

МИЛОГРАДСКАЯ ГАЛИНА

ТУМАН
ЛУИЗИАНЫ

16+

Любовь в историческом антураже

Галина Милоградская

Туман Луизианы

«Автор»

2019

Милоградская Г.

Туман Луизианы / Г. Милоградская — «Автор»,
2019 — (Любовь в историческом антураже)

Англия. Начало 19-го века. Юная аристократка, вырванная из привычной жизни, пытается узнать, кто стал причиной смерти её отца. Таинственный друг семьи, плантатор-рабовладелец из Луизианы, исполняя последнюю волю погибшего, становится её опекуном. Оставив родную страну и жениха, Луиза предпринимает опасное путешествие в Америку. Захочет ли опекун помочь свалившейся как снег на голову девушке или равнодушно вычеркнет её из своей жизни, не пожелав открывать постыдные тайны из своего прошлого...

© Милоградская Г., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Первая глава	10
Вторая глава	15
Третья глава	19
Четвертая глава	24
Пятая глава	30
Шестая глава	36
Седьмая глава	41
Восьмая глава	46
Девятая глава	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Галина Милоградская

Туман Луизианы

Пролог

1794 г. Плантация «Санрайз», Южная Америка.

Вот уже третьи сутки беглецы продирались сквозь непроходимые леса, спасаясь от неумолимой погони. Иногда преследователи подбирались так близко, что мужчины могли расслышать отдалённый лай собак. Он подстёгивал, заставлял бежать дальше, бежать как можно быстрее, не обращая внимания на стёртые в кровь ноги и руки, на жажду и дикую усталость. Сейчас они сидели в корнях огромного мангрового дерева, то и дело оглядываясь, прислушиваясь к звукам погони.

– Кажется, оторвались. – Один из путников хлопнул себя по щеке, убивая очередного москита. Лицо распухло от укусов, губы растрескались от жажды.

– Думаешь, не догонят? – Второй, морщась, отдирал грязную ткань от груди, пытаясь взглянуть на тело. Том вовремя это заметил и накрыл его руку своей:

– Оставь. Если сейчас откроешь, она точно загноится.

– Мне кажется, она уже воняет, – усмехнулся блондин и устало откинулся на ствол. По лбу его непрерывно стекали струйки пота. Его спутник озабоченно нахмурился, отмечая, что руки у друга мокрые и ледяные. Только лихорадки им не хватало.

– Потерпи, Джонатан, – привстал он, прислушиваясь. – До границы плантации осталось немного. Там, впереди, река. За ней уже ничья территория. Если сумеем уйти, дальше люди Кинга не пойдут.

– Том, мне кажется, мы никогда не выберемся из этих чёртовых джунглей, – простонал Джон, прикрывая глаза. Губы его чуть заметно подрагивали. Начинался озноб. Томас бросил быстрый взгляд на друга, покачал головой – если так пойдёт и дальше, они действительно останутся здесь навсегда... По крайней мере, Джона он здесь точно не бросит.

– Слушай, расскажи мне о своей семье, – попросил Том, пытаясь отвлечь друга, не дать ему провалиться в беспамятство. Кажется, в этот раз получилось – Джон расслабился, мягкая улыбка тронула его губы.

– София – самая красивая женщина на свете. Я даже сейчас вижу её, сидящую за клавином. На ней светло-зелёное платье, в волосах ленты. Она улыбается мне. – Джон открыл глаза, посмотрел на притихшего Тома. – Луиза ещё совсем маленькая. Когда я уплывал, ей едва минуло два года. Сейчас уже четыре. У неё светлые, почти белые волосы и огромные глаза. Она...

– Вся в тебя, – сказал Том.

– Ты ещё помнишь, какого цвета мои волосы? – Улыбка Джона вышла натянутой. – Мне кажется, от этой вьёвшейся грязи я никогда не отмоюсь. И от вшей.

– Вши уходят с первым же купанием с уксусом, – махнул рукой Том. Джон пристально посмотрел на сидящего перед ним молодого мужчину. Уже в который раз он задавался вопросом: что заставило того бежать с плантации, на которой он жил в неге и богатстве? Спросить об этом всё было не ко времени.

– Джон, Джон! – Сознание медленно ускользало, не желая возвращаться в измученное тело. – Ах ты, Святая Магдалена! – Голос Тома то приближался, то исчезал. Джон почувствовал, как его подхватили под руку и медленно потащили сквозь заросли. Хотелось промычать что-то вроде: «Пусти, я могу идти сам», но силы покинули его, оставив взамен невыносимую

слабость во всём теле. Когда он в следующий раз открыл глаза, на джунгли опустилась ночь. В кустах что-то трещало и чавкало, воздух наполнила звенящая голодная мошкара.

– Джон, просыпайся! – В мужском голосе слышалось отчаяние. – Мы пришли. Я не смогу перетащить тебя на тот берег. Ты должен плыть сам. Ты слышишь меня? Они опять напали на наш след. Джон, ну же! – Том тряс его за плечи, заставляя открыть налитые свинцом глаза. Река действительно была рядом, плескалась у ног. А где-то вдалеке слышался лай собак.

– Надо плыть. – Том облегчённо вздохнул, увидев, что друг открыл глаза. – Ты как, сможешь?

Джон кивнул, шатаясь и поднимаясь на ноги. Река приятно холодила разгорячённую кожу. Коричневая мутная вода так и манила погрузиться в неё целиком. Соседний берег медленно, но верно приближался, когда лай стал громким, из джунглей выскочили люди, рассыпались по берегу. Свет факелов заплескался на чёрной воде.

– Быстрее, они сейчас будут стрелять! – раздался отчаянный вскрик Тома. Рядом с головой взметнулся фонтанчик воды, затем ещё один. Берег приближался, ноги уже погружались в мягкое илистое дно. Боль прошла спину внезапно, взорвалась яркой вспышкой в голове. Последнее, что помнил Джон, были мутные воды реки, смыкающиеся над головой.

1807 г. Англия, Лондон.

Огромный зал сиял – весь аристократический свет Англии находился сегодня в доме герцогов Клеймор Майский бал, один из последних перед закрытием сезона, традиционно собирал все сливки общества. На этом балу заключались помолвки, любовники договаривались о том, где лучше провести лето, матроны делились опытом и хвастались, чья дочь в этом сезоне заполучила завидного жениха.

Лёгкий флёр сплетен и вседозволенности витал в воздухе, заставляя молодых девушек привставать на носочки и вытягивать шеи, выглядывая кавалеров. До танцев было достаточно времени, чтобы успеть поделиться новостями и обсудить гостей. Юные леди собирались в группки, шепча и сдавленно смеясь, прикрываясь веерами. Джентльмены прохаживали меж них со столь напыщенным видом, что создавалось впечатление, будто они оказались здесь совершенно случайно, проезжая мимо. Хотя всему Лондону было известно: попасть на бал Клейморов удавалось не каждому, и приглашение некоторые семьи ждали не один сезон.

Бесшумно скользили слуги, едва успевая наполнять бокалы игристым вином. Из распахнутых настежь французских окон в зал залетала ночная прохлада, остужая пылающие щёки, плечи и некоторые горячие головы. У одного из таких окон, на изящной козетке, обитой алым плюшем, сидели две девушки, что-то увлеченно обсуждая. Поглощённые разговором, они, казалось, не замечали никого вокруг. Тёмная и светлая головы склонились друг к другу, прячась за веером из страусовых перьев.

– Ты видела? – яркая брюнетка в платье глубокого лилового цвета закатила глаза. – Он два раза посмотрел на меня. Два раза!

– Думаешь, сегодня он сделает тебе предложение, Британи? – Вторая, невысокая блондинка в бледно-голубом, старательно изучала бальную книжечку, пытаясь отыскать хотя бы одно окошко – она обещала танец отцу и совсем об этом позабыла.

– Ну, не знаю насчёт предложения, Луиза, – смутилась Британи, – но вальс и кадрили я танцую с ним!

– Я надеюсь услышать о вашей помолвке в ближайшее время! – Луиза улыбнулась, отыскав, наконец, тур вальса в заполненной до отказа книжке.

– О, смотри, Барбидж! – Британи спряталась за веером и зашептала: – Видишь того красавца рядом с ним? Это лорд Норидж, говорят, он в родстве с Клейморами.

– Иногда мне кажется, что с ними пол-Англии в родстве, – фыркнула Луиза, незаметно разглядывая указанного лорда. Обходительный, учтивый и невероятно обаятельный, лорд Норидж, едва появившись, стал самым главным событием сезона.

– Нет, этот именно в *родстве*, – многозначительно проговорила Британи. – Я слышала, как леди Кавендиш говорила моей матери, что лорд Норидж – внебрачный сын герцога...

– Что ж, это объясняет его успех, – протянула Луиза. Ей Норидж не казался занимательным настолько, чтобы обсуждать его целых пять минут. – Барбидж решил нам его представить, смотри, они идут прямо к нам!

Девушки повернулись в сторону джентльменов и почти синхронно улыбнулись, изобразив на лице вежливую заинтересованность.

– Британи, вы позволите представить вам Стивена Грэхема, графа Нориджа? – Ведущий за собой приятно улыбающегося мужчину молодой человек с короткими бакенбардами в чёрном смокинге элегантно поклонился леди, сдержанно поведя рукою в сторону незнакомца.

– О, Барбидж, – жеманно закатила глаза Британи, принимаясь усиленно обмахиваться веером. – Ну что ж, знакомьте, если вы уверены, что нас это развлечёт.

– Непременно развлечет, дамы. – Граф Норидж склонился над протянутыми руками. – Прелестные английские розы не должны скучать. Особенно в такой вечер.

– Я не слышала о вас ранее. – Луиза с интересом рассматривала высокого лорда в бархатном тёмно-синем смокинге. Вопреки моде, волосы его не были напудрены, вызываясь среди бледных голов чёрным цветом. Кремовую пену кружевного шейного платка держал огромный сапфир, мягко сияющий в свете свечей.

– Зато я наслышан о вас немало, – склонил голову граф Норидж. – Вы ведь Луиза Клиффорд, графиня Грейсток, верно

– Верно. – В голосе Луизы звучало лёгкое удивление.

– Вы, вероятно, гадаете, откуда я вас знаю, – мягко рассмеялся Норидж. – Но тут не о чем и гадать – я видел ваши картины в доме Бошанов вчера. А сегодня баронесса Бошан показала мне и саму художницу. Я настоял, чтобы Барбидж познакомил нас.

– Так вот оно что, – улыбнулась Луиза. – Право же, я всё никак не могу привыкнуть к тому, что люди узнают тебя по картинам.

– И очень хорошим картинам, смею заметить, – серьёзно проговорил Норидж. – Могу я надеяться на портрет вашей кисти? – Он лукаво подмигнул, и Луиза вздрогнула – взгляд графа при всей его весёлости оставался холодным и безжизненным.

– Отец! – Девушка поспешила окликнуть графа Грейстока, проходящего мимо с хозяином дома. – Отец, позволь тебе представить графа Нориджа. Мой отец – граф Грейсток.

Светская улыбка застыла на лице Джонатана Грейстока, стоило ему встретиться взглядом с чёрными омутами глаз Нориджа.

– Очень приятно. – Джонатан пожал протянутую руку и, извинившись, взял дочь за локоть, отводя в сторону. – Мы уезжаем, Луиза. Прощайся от меня с герцогиней.

– Но, отец, бал ещё толком не начался, быть может...

– Мы уезжаем, – с нажимом произнёс граф Грейсток. Поклонившись Нориджу, Луиза поспешила к хозяйке дома, с трудом сдерживая жгучие слёзы, готовые вот-вот хлынуть из глаз. Это было несправедливо! Последний бал сезона, а они едут домой! И почему?!

Дорога домой проходила в молчании. Луиза дулась на отца, скрестив руки на груди и забившись в дальний угол кареты. Граф, казалось, совершенно не обращал на дочь внимания, погружившись в размышления. Он даже не заметил, что та поднялась к себе, демонстративно не пожелав отцу спокойной ночи.

– Вы так быстро вернулись. – Горничная Мэри прикрыла рот, широко зевнув. – Я не ждала вас раньше утра.

– Отец забрал меня с бала, едва он успел начаться, – со слезами в голосе ответила Луиза, держась за столбик кровати, пока Мэри не спеша расшнуровывала корсет. – Я не знаю, что на него нашло, но я даже полонез не успела станцевать! Завтра придётся объясняться перед всеми, кому я обещала танец! Как он мог так со мной поступить?!

– Уверена, у лорда Джонатана были причины так поступить, – мудро заметила Мэри, осторожно стягивая с хозяйки атласное верхнее платье. Та переступила ногами, оставаясь в нижнем платье, и отошла к туалетному столику, падая в кресло.

– Я потребую у него объяснений завтра же, – продолжила бурчать девушка, пока служанка выбирала из густых светло-русых волос многочисленные жемчужные заколки.

– Уверена, ваш отец и сам вам всё объяснит. – Мэри осторожно помассировала голову Луизы. – Вам принести тёплого молока?

– Было бы неплохо, – блаженно пробормотала Луиза, прикрыв глаза. От непролитых слёз разболелась голова, и теперь боль медленно отступала под нежными пальцами Мэри.

Луиза ворочалась без сна в своей постели, пытаясь устроиться поудобнее. Часы внизу давно пробили два часа ночи – самый разгар бала! Она отвернулась к стене, пытаясь не смотреть на переливающееся в темноте платье. А ведь этот бал должен был стать последним перед её поездкой в Италию. Луиза тяжело вздохнула – иногда ей особенно не хватало мамы.

Прекрасная и скандальная история любви в своё время всполошила весь лондонский свет: молодой (кое-кто говорил, что чересчур молодой) виконт Грейсток сбежал во Францию вслед за не менее юной баронессой Буршье. Родители виконта грозились лишить единственного сына наследства, если тот не одумается и не вернётся. А он взял да и женился на Софии Буршье, наплевав на негодование родных и отлучение от семьи. Несколько лет влюбленные счастливо жили во Франции, в живописном замке на берегу Луары, но революция уже стояла на пороге, и супруги решили переехать в Италию. Родители Софии на уговоры молодых не поддались и спустя несколько лет сложили свои головы под лезвием гильотины.

В Милане Джонатан Грейсток удачно распорядился наследством жены, купив несколько торговых кораблей и снарядив первую экспедицию в Южную Америку. Спустя три года после его возвращения граф Грейсток заболел, и виконт с семьей вернулся в Англию. Нежной Софии так и не подошёл климат Туманного Альбиона, но она мужественно скрывала свою болезнь, глядя, как счастлив муж, вернувшийся домой. Она угасла тихо и неслышно от чахотки, когда Луизе исполнилось десять. С тех пор безутешный вдовец не женился, целиком и полностью посвятив себя воспитанию дочери. Он потакал всем её прихотям, позволил учиться дома, а не в закрытом пансионе, как на том настаивала графиня, бабушка Луизы. И даже нанял учителя из Франции, учившего дочь живописи.

Поведение отца сегодня на балу не укладывалось ни в какие рамки, и оттого Луизе было особенно обидно. Ведь она совершенно ни в чём не виновата! За что отец лишил её праздника? Быть может, он узнал о её поездке в госпиталь Магдалины вчера днём? Едва узнав, что в приюте живут падшие женщины и их маленькие дети, она твёрдо решила, что именно там непременно нуждаются в её помощи. Саркастические улыбки, которыми провожали юную леди бывшие проститутки, до сих пор стояли перед глазами. Что она сделала не так? Всего лишь хотела предложить свою помощь, предложив по пятницам читать им романы Джейн Остин. Тяжело вздохнув, Луиза покачала головой: возможно, эти женщины просто не смогли бы оценить всю красоту романтических историй?

Внезапно внизу что-то грохнуло, затем ещё раз и ещё. Девушка резко села в кровати, напряжённо вслушиваясь в темноту. Слуги давно спали. Отец отправился в кабинет, едва они вернулись. Шум повторился, что-то упало, кажется, послышался короткий вскрик. Луиза прыгнула с кровати, натягивая халат, путаясь в рукавах. Над головой раздались шаги – вероятно, Сеймур, дворецкий, услышал наконец шум и решил узнать, что случилось. Луиза выглянула в коридор, но там пока было пусто. На полу плясали квадраты лунного света – на улице

поднимался ветер. Ветки высоких клёнов царапали стёкла. Девушка замерла в нерешительности, идти дальше одной было страшно. Дверь, ведущая на этаж слуг, отворилась, пропуская Сеймура, держащего в руках свечу.

– Что-то случилось, миледи? – он вопросительно посмотрел на Луизу.

– Я слышала шум внизу. Но там кроме отца никого нет, я... – Зазвенело стекло, кажется, в комнатах внизу разбилось окно. Переглянувшись, дворецкий и Луиза бросились вниз. Дверь в кабинет была плотно закрыта, из-под неё лился ровный жёлтый свет.

– Милорд? – Сеймур подошёл к двери и прислушался. В кабинете было тихо.

– Ломай дверь, – решительно сказала Луиза, забирая у него свечу. Сеймур разбежался и ударил плечом по двери. Дерево скрипнуло, но не поддалось. Переглянувшись с девушкой, дворецкий снова отошёл и с разбегу приложился об дверь. Раздался треск – замок вылетел, с грохотом падая на пол. Луиза бросилась было вперёд, оттолкнув потирающего плечо Сеймура, но открывшаяся картина заставила ее замереть на пороге. Дворецкий аккуратно отодвинул молодую графиню в сторону и прошёл в кабинет, склоняясь над безжизненным телом хозяина.

– Отец! – Луиза дёрнулась было к нему, но Сеймур предостерегающе поднял руку, заставляя остановиться. – Что с ним?

В кабинете всё было перевёрнуто вверх дном. Шторы надувались огромными парусами – из разбитого окна в комнату порывами залетал ветер. Луиза потрясённо смотрела на погром, пытаясь понять, кому понадобилось нападать на её отца. Разбросанные по всей комнате бумаги слабо шевелились на сквозняке. Здесь явно что-то искали, но что?

– Миледи, он жив! – взволнованно проговорил Сеймур, поднимая глаза на девушку. Она, опомнившись, опустилась на колени рядом с Джонатаном, стараясь не смотреть на кровь, залившую белоснежную рубашку

– Луиза... – голос графа был тих и слаб. – Найди Тома. Я прошу тебя, найди Тома. – Он пытался сфокусировать свой взгляд на дочери.

– Какого Тома, отец? – Луиза сама не заметила, как начала всхлипывать. – Какого Тома?

– Найди... Тома... – Последний вздох слетел с губ, стеклянный взгляд ярко-голубых глаз остановился на лице дочери.

Первая глава

Первый день лета четыре человека, застывшие сейчас неподвижно над могилой, встретили на кладбище Блумсбери. Луиза пряталась за густой чёрной вуалью, стараясь держать спину прямо и не показывать, как ей на самом деле больно. Рядом стоял молчаливый Сеймур, неловко крутивший в руках котелок. Поверенный семьи Вудвилл время от времени поглядывал на часы. Четвёртым был могильщик, ждавший приказа, чтобы начать засыпать могилу. Лакированный гроб красного дерева покрывал огромный букет жёлтых лилий – любимых цветов Джонатана. Все речи уже отзвучали, и те, кто хотел проститься с последним графом Грейсток, уже шли к экипажам, осторожно переступая лужи и обсуждая ужасную ночную грозу. Судорожно вздохнув, Луиза кивнула наконец могильщику. Первые комья земли с глухим стуком упали на крышку, и девушка прижала кулак ко рту, удерживая рвущийся наружу крик. Поверенный скорбно склонил голову и отправился по дорожке к карете.

– Пойдёмте, миледи. – Сеймур неловко дотронулся до локтя Луизы. – Всё уже.

Девушка очнулась, глядя на холмик земли, который старательно ровнял могильщик. Она так глубоко погрузилась в своё горе, что не заметила, как всё закончилось.

Городской дом был пуст – поминальный обед организовала вдовствующая графиня Грейсток, бабушка Луизы. Ехать туда девушка категорически отказалась, и именно по этой причине мистер Вудвилл терпеливо ждал в голубой гостиной, тоскливо поглядывая на часы и мечтая о том, чтобы оглашение завещания поскорее завершилось и он смог наконец отправиться к Стаффордам, где его ждал обед и прехорошенькая невеста.

– Я готова выслушать вас, мистер Вудвилл. – Луиза расположилась в обитом голубым шёлком кресле, расправив складки на платье.

Поверенный невольно залюбовался бледной девушкой, казавшейся сошедшей с картин Гейнсборо. Солнце играло в аккуратно уложенных волосах цвета спелой пшеницы. Траур чрезвычайно шёл ей, оттеняя фарфоровую кожу и пухлые губки. «Всё-таки француженки – красивые женщины, и леди Грейсток явно пошла в мать», – мелькнуло в голове Вудвилла, пока он раскладывал бумаги на столе.

– Итак, начнём. – Поверенный набрал больше воздуха в лёгкие и начал перечисление движимого и недвижимого имущества покойного графа Грейстока. Луиза была богата и прекрасно об этом знала: вернувшись в Англию, отец не бросил вкладывать деньги в товары из колоний, приносившие немалую прибыль. Дела шли удачно, а титул и имя лишь способствовали заключению крупных договоров. Список поместий, предметов искусства, племенных лошадей, драгоценностей занял час. Шея у девушки, сидевшей в позе умеренного любопытства, давно затекла. Она бы с удовольствием расшнуровала тугой корсет и легла – в голове после слёз на кладбище медленно и методично пульсировала боль.

– А теперь переходим к самому интересному. – Вудвилл хитро улыбнулся, но, встретив строгий взгляд, стушевался и пробормотал: – Извините. В конце завещания сделана приписка. Лорд Грейсток внёс её недавно, всего два месяца назад.

Луиза заинтересованно посмотрела на поверенного. Она и не знала, что отец менял что-то в завещании... О том, что всё после его смерти перейдёт к ней, девушка знала давно. Но зачем ему понадобилось вносить изменения? Он что-то предчувствовал? Или ему что-то угрожало?

– Моя дочь, леди Луиза-София Клиффорд, графиня Грейсток является единовластной владелицей всего имущества, оглашённого выше. В права наследования она вступит не ранее чем по достижении двадцати одного года. До достижения этого срока опекуном леди Грейсток является сэр Томас Уоррингтон. Он же является единственным распорядителем её имущества

вплоть до обозначенного в данном документе срока. В случае моей преждевременной кончины опека над Луизой переходит сэру Уоррингтону.

– Томас Уоррингтон? – Луиза нахмурилась, пытаясь вспомнить этого джентльмена среди знакомых отца. Тому, что он нашёл для неё опекуна, она не удивлялась – отец часто со смехом говорил, что дочь совершенно не умеет распоряжаться деньгами и, дай ей волю, растратит всё состояние на помощь обездоленным и мошенникам, что непременно наводнят её дом. Но делать опекуном совершенно незнакомого ей человека? – Но кто это? – помимо воли вырвалось у неё. Оказалось, мистера Вудвилла это интересовало не меньше Луизы.

– Сведений о Томасе Уоррингтоне у нас нет. Но его адрес прилагался к завещанию. Лорд Грейсток обо всём позаботился. – Он протянул листок, на котором ровным каллиграфическим почерком было написано: Томас Уоррингтон, Соединённые Штаты Америки, штат Луизиана, поместье «Магдалена».

– Америка?! – Луиза потрясённо посмотрела на поверенного. – Но как же... я ведь ни разу...

– Я полагаю, вам следует написать мистеру Уоррингтону и поставить его в известность о кончине лорда Грейстока.

– Д-да, я так и поступлю... – Луиза растерянно смотрела на записку. Убийство отца, теперь таинственный опекун...

– Леди Грейсток, я вам больше не нужен? – Мистер Вудвилл счёл нужным напомнить о себе.

– Конечно, мистер Вудвилл, спасибо вам за всё. – Луиза поднялась, чтобы проводить поверенного. А оставшись одна, снова уставилась на записку, вглядываясь в ровные буквы, пытаясь понять, почему отец указал именно этого человека? От кого же лорд Грейсток пытался спрятать дочь на другом конце света?

– Где она, где Луиза? – Властный голос вдовствующей графини разносился по комнатам. Луиза тяжело вздохнула и закатила глаза – благо её сейчас никто не видел. Появления бабушки она ждала и боялась.

Леди Виктория пеклась о благополучии семьи, не обращая внимания на слабые попытки её членов сопротивляться своему счастью. Она свято верила в незыблемость семейных устоев и традиций, а доброе имя Грейстоков значило для гордой дамы больше, чем счастье собственных детей. Старший разбил сердце матери, сбегав с француженкой. Младший давно был вычеркнут из домовой книги, присоединившись к революционерам в той же Франции. Да, эта страна смогла отнять обоих детей леди Виктории. Но одного она всё-таки вернула, да ещё и с маленькой внучкой. Любви между невесткой и свекровью не было никогда, к тому же Стефани, по мнению графини, была настолько невоспитана, что не желала прятать свою неприязнь под маской учтивой любезности. После её смерти отношения с внучкой лучше не стали – сын, нахватавшись от жены свободолобивых идей по воспитанию детей, не позволил отдать девочку в приличный пансионат, чем окончательно разбил нежное материнское сердце. Обычно общение внучки с бабушкой проходило в кругу гостей и ограничивалось несколькими дежурными фразами о погоде и здоровье. Но Луиза была уверена, что она вот-вот появится, чтобы напомнить, кто является главой семьи Грейсток и кому теперь принадлежит её, Луизы, душа. Сейчас она готова была расцеловать отца за внезапное опекунство.

– Моя дорогая, леди не положено принимать гостей в кабинете! – Графиня величественно всплыла в комнату и, уперев в пол трость, замерла посередине. – Впрочем, не удивительно, что ты не знаешь этих тонкостей, с твоим-то воспитанием...

– Рада вас видеть, бабушка. – Луиза приглашающее кивнула на диван. Поняв, что её выпад никак не задел внучку, леди Виктория присела, поставив перед собой трость.

– Ты не была на поминальном обеде. – Графиня неодобрительно смотрела на Луизу. – Там было несколько молодых людей, с которыми ты за весь сезон наверняка успела познакомиться. Каждый из них имел со мной беседу по поводу твоего будущего. Я сказала, что решать тебе. Но сама настоятельно рекомендую тебе обратить внимание на графа Нориджа. Чрезвычайно перспективный джентльмен.

– Графа Нориджа? – Луиза и предположить не могла, что на обеде, устроенном в память об её отце, бабушка могла её сватать! – Но он мне в отцы годится!

– Тридцать восемь – не срок для мужчины, – наставительно произнесла леди Грейсток. – К тому же с его происхождением ты вполне можешь стать герцогиней со временем.

– Его сомнительным происхождением, вы хотели сказать? – нахмурилась Луиза. Само обсуждение будущей женитьбы сейчас, когда не прошло и пяти дней со смерти отца, казалось абсурдным.

– Я знаю, что в ближайшее время Клеймор официально признает его своим сыном, – отмахнулась леди Виктория. – Ты должна быть рада, что он обратил внимание на дочь француженки!

– То есть он просил моей руки у вас? – на всякий случай уточнила Луиза.

– Нет, не просил, – пожала плечами леди Грейсток. – Но интересовался тобой и твоим здоровьем. Я же говорю – очень интересный джентльмен. Думаю на следующей неделе пригласить его на ужин, там и познакомитесь поближе. Свадьбу лучше играть в апреле. Останется меньше года, но я уверена, все поймут причину спешки: одинокая юная леди, оставшаяся без присмотра – твоя поспешная свадьба никого не удивит. Леди Саффолк уже намекала мне, то, что ты живёшь одна в доме, совершенно неподобающе.

– Но ведь я не одна, у меня есть слуги, – попыталась вставить хоть слово Луиза. – И к тому же отец оставил...

– Я знаю, что мой бедный Джонатан оставил тебе наследство, но совершенно не озаботился о тебе! – патетично воскликнула графиня. – Если так дело пойдёт и дальше, ты можешь остаться старой девой или, что ещё хуже, лишиться репутации! Я не могу этого допустить! Определённо не могу! Ты переедешь ко мне сегодня же. Вещи привезут в течение недели. Сезон почти закончился, но у нас есть ещё в запасе пара вечеров, не балы, конечно, но и там можно отыскать что-то достойное...

– Бабушка! – Луиза беспомощно смотрела на разошедшуюся леди Викторию. Её блёклые голубые глаза горели воодушевлением, а небольшие седые булочки подпрыгивали в такт кивкам, которыми она сопровождала каждое своё предложение. Перед глазами вдовствующей графини, судя по всему, уже проплывали вереницы женихов, а Луиза шла к алтарю с букетом кремовых роз и нарциссов...

– Бабушка, я не перееду к вам! – Громкий возглас заставил наконец замолчать леди Грейсток. Она изумлённо уставилась на внучку, будто пыталась понять, кто посмел её перебить. – Я еду в Америку, – твёрже добавила ободрённая её молчанием Луиза. – К опекуну, которого назначил отец.

– Какая Америка? – Казалось, графиню вот-вот хватит удар. Она открывала и закрывала рот, как рыба, выброшенная на берег, силясь понять, что говорит внучка. – Какой опекун?

– Отец назначил мне опекуна, – терпеливо принялась объяснять Луиза, всеми силами стараясь, чтобы бабушка не расслышала неуверенности в её голосе. – Это его друг, сэр Томас Уоррингтон. У него плантация сахарного тростника в...

– Плантатор? Матерь Божия! – Леди Виктория вдруг побледнела и схватилась за сердце. Глаза её закатились, и почтенная дама повалилась на диван.

– Мэри! О Господи, Мэри! Неси соли, леди Грейсток стало плохо! – Луиза в тревоге склонилась над бабушкой, отмечая, что она точно не притворяется. Чего-то подобного Луиза,

конечно, ожидала. Обмороки были привычной тактикой леди Виктории, когда та хотела заставить окружающих поступать так, как нужно именно ей. А значит, и всей семье в её лице.

Леди Грейсток слабо застонала, пока Мэри водила флакончиком под её носом. Луиза присела рядом, настороженно глядя на леди Викторию.

– Вам уже лучше?

– Кажется, я слышала что-то про Америку, – слабым голосом проговорила графиня. – Мне ведь показалось, не так ли?

– Нет, бабушка, не показалось, – твёрдо сказала Луиза. – Я уезжаю в Америку к опекуну, назначенному отцом.

– Какой скандал, – тихо, но совершенно чётко проговорила леди Виктория. – Моя внучка едет в бывшую колонию, жить на плантации, в окружении чёрных рабов. О, Луиза, лучше бы ты умерла!

– Простите, бабушка, что не оправдала надежд. – Луиза почувствовала, как глаза наполняются слезами. – Возможно, я погибну по пути в Америку, и тогда вы всем будете говорить, как непомерна ваша скорбь.

– Не говори ерунды! – Графиня, казалось, пришла в себя. Выпрямив спину, она тяжело оперлась об угодливо предложенную Мэри трость и остро посмотрела на внучку. – Я люблю тебя, что бы ты там себе ни выдумывала, и желаю тебе счастья.

– Я тоже люблю вас, бабушка, – расчувствовавшись, Луиза обняла графиню. Та ответила ей лёгким, почти невесомым поглаживанием по спине.

– Надеюсь, ты посетишь мой ужин на следующей неделе? – непререкаемым тоном спросила она. Луиза кивнула, улыбнувшись – леди Виктория всё-таки смогла настоять на своём.

Небольшой ужин для самых близких собрал тесный кружок из пятидесяти человек. Луиза стояла рядом с леди Викторией, облачённой в платье цвета перспелой клюквы. Сама девушка не поддавалась на уговоры бабушки и надела чёрное – траур по отцу никто не отменял. Гости по очереди подходили к хозяйке дома, выражая свои соболезнования по поводу кончины ее сына. До Луизы то и дело долетали обрывки фраз:

– Бедная девушка...

– Какая трагедия, совсем одна...

– Скоро выйдет замуж...

– Уж леди Грейсток так этого не оставит...

Улыбки казались фальшивыми, сочувствие – наигранным. Больше всего на свете Луиза мечтала сейчас оказаться в своей комнате, за плотно закрытыми дверями, и чтобы никто не беспокоил! Кажется, если сейчас хоть кто-то ещё скажет, как ему жаль, что отца убили, она закричит!

– Леди Грейсток. – Знакомый голос заставил вздрогнуть и поднять глаза. Над её рукой склонился лорд Норидж. Странно, но при его появлении Луиза почувствовала, как внутри неё разливается спокойствие. Она искренне ответила на его улыбку.

– Лорд Норидж! – радушно откликнулась леди Виктория, поворачиваясь к графу. – Мы так рады, что вы приняли наше приглашение!

– Леди Грейсток. – Улыбка Нориджа мгновенно превратилась из искренней в равнодушную. – Было бы верхом невоспитанности не приехать сегодня.

– Вы само очарование! – снисходительно улыбнулась вдовствующая графиня. – А теперь, будьте так любезны, отведите Луизу в зал. Я останусь здесь, чтобы встретить припозднившихся гостей.

– Простите её, – Луиза смущённо положила руку, затянутую атласной перчаткой, на рукав вечернего костюма. – Иногда мне кажется, что сам король Георг не смог бы отказать ей, реши она, что его отречение принесёт пользу семье Грейсток!

– Она любит вас и заботится. – Норидж любезно улыбался знакомым, уверенно ведя девушку в зал, где уже настраивали инструменты музыканты. – О, будут танцы? Я думал, траур в Англии продолжается не одну неделю.

– В Англии? – Луиза заинтересованно посмотрела на графа. – Вы приехали издалека?

– Долгое время я жил в Африке, – с готовностью ответил Норидж, – а до этого несколько лет провёл в Южной Америке.

– Это, должно быть, невероятно интересно! – восхищённо проговорила Луиза, пытаясь разглядеть в лощеном облике графа признаки заядлого путешественника.

– Бывало по-разному, – уклончиво ответил граф. – Возможно, я расскажу вам об этих годах как-нибудь. Но смотрите, зовут к столу. Кажется, все гости наконец собрались.

Далеко за полночь Луиза наконец оказалась в своей постели и теперь расслабленно смотрела на царапающие окно ветки клёнов.

Ей хотелось бы солгать себе, но не получалось – вечер, несмотря на скорбный повод, прошёл отлично. И немалую роль в этом сыграл лорд Норидж, не отходивший от неё ни на шаг. Он оказался невероятно интересным собеседником, а тот факт, что он действительно объехал пол-мира, вызывал уважение и напоминал об отце. Да, ему Стивен Норидж определённо бы понравился!

Вторая глава

Сонный июльский полдень дышал покоем и негой. Луиза в широкополой белоснежной соломенной шляпке сидела за мольбертом в саду, рисуя небольшой прудик, что дремал сейчас перед ней, прячась под круглыми листьями кувшинок. Белые и бледно-жёлтые бабочки неспешно кружились над огромными шарами флоксов и бульденежа. Сделав несколько быстрых мазков, Луиза отодвинулась, придирчиво осматривая свою картину. Шорох гравия привлёк внимание юной графини, заставляя повернуться на звук шагов. Искренняя улыбка мгновенно появилась на лице, стоило девушке узнать визитёра.

– Граф, не ждала вас сегодня. – Она протянула руку, приветливо глядя на Нориджа.

– Кажется, скоро я и дня не смогу провести без вашего общества, – преувеличенно грустно покачал головой граф и тут же хитро улыбнулся, доставая из кармана небольшой свёрток. – Позвольте сделать вам небольшой подарок.

Сердце девушки неистово забилося, она смотрела на свёрток, чувствуя, как шумит кровь в ушах. Неужели он сейчас сделает ей предложение? Нет, так не делают, он ведь должен для начала попросить разрешения у бабушки... А может, он придерживается современных взглядов и просто хочет быть рядом с возлюбленной, не считаясь с условностями? Всё это и многое другое промелькнуло в голове Луизы за доли секунды, пока она принимала подарок из рук графа Нориджа.

– Он напомнил мне о вас, стоило только увидеть, – мягко сказал Стивен, наблюдая за реакцией девушки. Осторожно развернув ткань, она тихонько ахнула: на ладони лежал искусно вырезанный из гладкого тёмного дерева орёл, расправивший крылья. – У некоторых народов Африки орёл символизирует мир. Тот мир, что поселился в моей душе, когда я встретил вас. Тот мир, что вы можете мне подарить одним лишь словом...

Луиза подняла глаза, встречаясь с чёрным непроницаемым взглядом, что никак не вязался со словами, что говорил ей сейчас мужчина. Он стоял так близко, что девушка легко могла разглядеть ровно бившуюся голубую жилку под белой кожей на шее. Тук-тук-тук. Постепенно и Луиза успокоилась, и даже смогла снова улыбнуться, чувствуя, какими ледяными внезапно стали руки.

– Я с радостью исполню любую вашу просьбу, – пролепетала она, надеясь, что фраза не звучит слишком двусмысленно. Ей вдруг стало не по себе: не слишком ли долго она находится наедине с мужчиной? Кажется, где-то неподалёку должна бродить Мэри... Но Норидж не зря заслужил репутацию истинного джентльмена. Легко разгадав смещение девушки, он выпрямился и непринуждённо проговорил:

– Я напугал вас своим порывом? Не стоит придавать ему значение, это лишь подарок от доброго друга, не более.

– И мне он очень нравится. – Луиза облегчённо улыбнулась в ответ.

– Могу я рассчитывать на ответный подарок? – Норидж лукаво приподнял бровь. Графиня легко кивнула, наблюдая, как граф в нарочитой задумчивости постукивает тонкими пальцами по губам, пытаясь придумать подарок. Лёгкий бежевый сюртук ладно облегал плечи, брюки цвета крепкого кофе обтягивали ноги и узкие бедра. Луиза вдруг подумала, что ей, возможно, предстоит увидеть графа обнажённым, и она тут же вспыхнула, как алый мак, опуская голову, будто Норидж мог прочесть её потаённые мысли. Взгляд упёрся в кончики лакированных ботинок, в которых она с лёгкостью могла разглядеть своё отражение.

– Эта картина, Луиза! – торжествующе произнёс Норидж, указывая на незаконченный пейзаж. – Я с радостью повешу её в кабинете и буду любоваться ею, вспоминая летний полдень и вас.

– Почему бы и нет? – Луиза склонила голову. – Я закончу её до конца недели и пришлю к вам.

– Леди Луиза. – На дорожке возникла наконец Мэри, украдкой окидывая фигуру графа плотоядным взглядом. – К вам мистер Вудвилл. Я проводила его в китайскую гостиную.

– Спасибо, Мэри. – Луиза поднялась. – Вы простите меня, граф?

– О, конечно, – откликнулся Норидж. – Я подожду вас, если будет угодно.

– Мэри, проводи графа Нориджа в кабинет. Я подойду, как только освобожусь, – пообещала девушка и поспешила в дом.

Мистер Вудвилл выскочил из кресла как чёртик из табакерки, чем немало развеселил Луизу. Поверенный с удовольствием смотрел на девушку, радуясь переменам, произошедшим в ней за короткий срок. И хотя траур по отцу ещё напоминал о себе лиловым платьем, слишком тёмным для летнего дня, белая шляпка, которую она положила на столик-пагоду, говорила о скором из него выходе.

– У меня есть для вас новости, леди Грейсток, – начал Вудвилл, едва Луиза присела в обитое ярким шёлком кресло. – Первая, не скрою, заставила меня встревожиться. Но вторая, пришедшая следом, развеяла все мои опасения. – Сегодня мистер Вудвилл никуда не спешил и с удовольствием растягивал удовольствие от общения с юной леди. Его невеста, ставшая две недели назад законной женой, изменилась до неузнаваемости, и мистер Вудвилл с тоской вспоминал прекрасные дни ухаживаний и тихонько вздыхал, выслушивая поток обвинений от дражайшей половины.

– Итак, первой новостью, и, доложу я вам, неприятной неожиданностью, стало то, что мне отказали в выдаче денег в банке.

– Что? – Луиза изумлённо уставилась на Вудвилла. Мысль о том, что у неё могут закончиться деньги, никогда не возникала в голове. – Но как такое могло произойти?

– В банке мне объяснили, что по закону всеми вашими сбережениями занимается теперь опекун. Без его подписи никто не даст вам ни пенса.

– А какая вторая новость? – вздохнув, спросила Луиза, живо представив, как подаёт графу Нориджу чай, извиняясь за то, что он низкого качества. А он хвалит её бережливость и советует, как распорядиться наследством с пользой, больше времени занимаясь устройством судьбы детей из работных домов... Картинка, возникшая перед внутренним взором, была столь яркой, что Луиза почувствовала, как к горлу подступают слёзы, представив, как она будет рассказывать Нориджу о сиротках.

– Мы получили ответ из Америки. – Мистер Вудвилл удовлетворённо хлопнул себя по колену: – Мистер Уоррингтон с радостью примет вас в своём поместье! А также, предвидя денежные затруднения, присылает чек на тысячу фунтов, надеясь, что он покроет ваши дорожные расходы!

– Значит, ехать всё-таки придётся, – вздохнула Луиза. Бабушка с такой энергией погружала её в светскую жизнь, что девушка, к своему стыду, позабыла о том, что где-то в далёкой Америке ждёт её опекун, без которого она не то, что замуж выйти, а как выяснилось, и чаю купить не может!

– Вы не хотите? – участливо посмотрел на задумавшуюся Луизу мистер Вудвилл. Она жалко улыбнулась и покачала головой. Затем, опомнившись, расправила плечи и кивнула поверенному: – Думаю, пора подумать о билетах, мистер Вудвилл. Мне хватит тысячи? Или, быть может, надо продать что-то из картин или драгоценностей... У меня есть свои собственные, мамины продавать я бы не хотела...

– Мисс Грейсток, – прервал её Вудвилл, строго поправив очки на переносице. – Тысячи фунтов вам хватит, чтобы совершить путешествие туда и обратно, а там еще и жить в гостинице несколько месяцев!

– О, – только и смогла вымолвить Луиза. – Видно, мистер Уоррингтон не собирается ограничивать меня в средствах.

– Несомненно, – кивнул поверенный. —Здесь он показал себя как истинный джентльмен.

– Я посоветуюсь с бабушкой и решу, на когда лучше назначать отъезд. – Луиза поднялась, давая понять, что разговор окончен. – Я сообщу вам об этом, мистер Вудвилл. Спасибо за ваше участие.

Поверенный откланялся, а Луиза поспешила в кабинет, ни на минуту не забывая, что оставила там графа Нориджа.

– Простите, что заставила вас ждать! – Луиза влетела в кабинет, лучезарно улыбаясь. Лорд Норидж небрежно отбросил в сторону газету, которую читал до этого и тоже улыбнулся:

– Это вы простите меня, леди Грейсток. – Он поднялся: – Пока вы были заняты, я вспомнил, что у меня назначена важная встреча, пропустить которую я, к сожалению, не могу.

– Ну что ж, – юная графиня заметно помрачнела. – Не буду вас задерживать в таком случае.

– С нетерпением жду ваш подарок, леди Луиза, – прошептал Норидж и, невесомо коснувшись губами руки, вышел.

– Леди Луиза, – прошептала девушка, поднося руку к щеке и ласково проводя ею по коже. – Леди Луиза...

Она закружилась по комнате и упала в кресло отца, закидывая руки за высокую резную спинку. Почему сердце так счастливо бьётся в груди?! Неужели её прекрасный герцог – это не сказка, а самая настоящая реальность? Луиза закрыла глаза и откинула голову, легонько стукнувшись затылком о спинку. Раздался лёгкий щелчок. Дёрнувшись от неожиданности, девушка отшатнулась от кресла, с опаской оглядываясь. Деревянная панель ушла внутрь, открывая небольшое углубление, в котором лежали бумаги, перевязанные засаленной лентой, цвет которой почти не угадывался, но, кажется, был когда-то голубым. Протянув руку, Луиза осторожно достала бумаги, оглядывая спинку в поисках запирающего механизма. Небольшой завиток, сдвинутый не в ту сторону, обнаружился довольно быстро. Надо же, а ведь раньше она всегда сетовала на слишком жёсткое кресло!

Бумаги в руках манили, обещая приоткрыть завесу тайн и загадок, наверняка связанных с отцом и его гибелью. Луиза чувствовала, что это так! Ярko-белый листок привлёк внимание, девушка потянула его на себя, вытаскивая из кипы пожелтевших страниц. Почерк на нём был не папин, а стихотворение, написанное там, она видела впервые.

Десять негритят отправились обедать,

Один поперхнулся, их осталось девять.

Девять негритят, поев, клевали носом,

Один не смог проснуться, их осталось восемь.

Девушка хихикнула: у графа Грейстока, конечно, было чувство юмора, и очень живое, но она никогда не замечала за ним любви к непонятным считалкам.

Восемь негритят в Девон ушли потом,

Один не возвратился, остались всемером.

Семь негритят дрова рубили вместе,

Зарубил один себя – и осталось шесть их.

Шесть негритят пошли на пашню гулять,

Одного ужалил шмель, их осталось пять.

Нервный, угловатый почерк почему-то начинал пугать. Кажется, ей действительно следует лечить нервы, вон и бабушка о том же говорила на днях...

Пять негритят судейство учинили,

Засудили одного, осталось их четыре.

Четыре негритенка пошли купаться в море,

Один попался на приманку, их осталось трое.

Трое негритят в зверинце оказались,

Одного схватил медведь, и вдвоем остались.

За окном раздался крик: кухарка миссис Порэнс отчитывала мальчишку-зеленщика. Луиза приложила руку к груди, пытаясь унять бешеный стук сердца, и закончила читать.

Двое негритят легли на солнцепеке,

Один сгорел – и вот один, несчастный, одинокий.

Последний негритенок поглядел устало,

Он пошел повесился, и никого не стало.

Фраза, сделанная ниже, заставила волосы на голове девушки зашевелиться. Под последней строчкой считалки тем же почерком было приписано несколько слов.

Вот ты и попался, Джонни. Утонишься, повесишься или поперхнёшься? Выбирай.

Отбросив листок в сторону, Луиза испуганно смотрела на него, точно он был ядовитой змеей. Отец получил это письмо совсем недавно, почему-то она была твёрдо в этом уверена. Как и в том, что именно после него Джонатан Грейсток сделал приписку к завещанию. Всё снова упиралось в Томаса, который один мог бы пролить свет на происходящее. Луиза оглянулась – родной дом уже не казался ей таким уж милым и безопасным...

Корабль распустил паруса, ныряя носом в тёмную серую воду. Небо хмурилось, брызгая дождём в собравшихся на причале людей. Прижав к лицу кружевной платок, леди Грейсток провожала внучку в Америку. Луизу ещё можно было разглядеть среди нескольких пассажиров. Она отчаянно махала рукой, другой пытаясь удержать на голове шляпку. Рядом застыла миссис Пинс, компаньонка, которую подобрала для внучки вдовствующая графиня. Высокая и худая, как жердь, она являла собой олицетворение благопристойности и манер, умудряясь даже сейчас, с лицом бледно-зелёного цвета, внушать благоговейное уважение. Поднявшийся с залива ветер пробирал до костей, и пассажиры поспешили разойтись по каютам.

Мистер Вудвилл действительно был прав: Луизе удалось устроиться с комфортом в отличной каюте брига Его Величества «Генрих VIII». В составе каравана, идущего в Мексику, они собирались пересечь океан и через три недели причалить в порту Нового Орлеана.

Луиза опустила в кресло, устало прижимая руки к вискам – голова начала болеть ещё в порту, и теперь девушка с тоской подумала, что избавиться от боли будет не так-то просто. Из-за ширмы то и дело доносились громкие звуки – миссис Пинс нещадно тошнило.

– Миссис Пинс, мы будем идти вдоль Англии ещё два дня, – сказала Луиза после особенно бурного звука. – Вы уверены, что сможете продолжить путешествие? Я полагаю, бабушка поймёт и примет причину, по которой вы сойдёте на берег.

– Надеюсь, впредь вы не предложите мне ничего подобного, – из-за ширмы выглянула бледная компаньонка. – Я еду с вами. Это скоро пройдет, вот увидите. Никому ещё не удавалось победить Маргарет Пинс. Тем более какой-то посудине, пусть даже и носящей имя его величес... – монолог миссис Пинс оборвался на полуслове. Она стремительно скрылась за ширмой, и оттуда вновь донеслись нечленораздельные звуки.

К вечеру миссис Пинс наконец заснула и в каюте воцарилась тишина. Волны тихо плескались о борт, изредка до слуха Луизы долетали команды, отдаваемые резким громким голосом. Склянки пробили восемь часов. Сославшись на болезнь, девушка попросила, чтобы ужин принесли прямо в каюту – знакомиться сегодня с другими пассажирами ей не хотелось. Пожелтевшие страницы так и манили прочесть. Пробежавшись глазами по первому попавшемуся листку, Луиза поняла, что перед ней что-то вроде дневника. Оставив чтение на время путешествия, теперь леди Грейсток могла наконец погрузиться в жизнь своего отца и попытаться узнать, почему он столько лет скрывал эти записи.

Третья глава

Корабль мерно покачивало. За иллюминатором тихо шелестел дождь. Чёрный скалистый берег Англии изредка освещали редкие огни. Забравшись в кровать с ногами, Луиза разложила перед собой записки отца. К её разочарованию, они шли не по порядку, и сначала ей пришлось разобрать листки по датам. Некоторые занимали полстраницы, а некоторые – два-три листа. Их объединяло лишь одно: записи велись в одно время и обрывались в конце 1794 года. Года, когда отец вернулся из путешествия за товаром. Насколько Луиза помнила семейную историю, в следующем году заболел дедушка и они переехали из Милана в Лондон. Лорд Грейсток занялся семейными делами и больше никогда не выходил в море.

Собрав наконец воедино разрозненные бумаги, Луиза взяла первый листок и глубоко вздохнула, прижав руку к горлу. Сердце билось ярко и неистово, грозясь вот-вот выскочить. Медленно выдохнув, девушка склонилась над листком и вскоре ни дождь за окном, ни качка не могли её отвлечь от чтения.

15 апреля 1792 г. Борт «Святой Софии», Средиземное море

Мы находимся в плавании всего несколько часов, а я всё никак не могу унять восторга. Мне до сих пор не верится, что мы сделали это – рискнули и отправились наконец в путь! Поверить не могу, что ты поддержала меня, моя драгоценная София! Хотя почему не могу? Ты – мой ангел, по-другому и быть не могло! Я знаю, что эта экспедиция обернется успехом!

17 апреля 1792 г. Борт «Святой Софии», Средиземное море

Вчера мы попали в шторм. И хотя капитан Бертуччи говорит, что это простой шквал, я до сих пор не могу отойти. Если честно, никогда не думал, что меня так напугает гроза на море. Вспоминать стыдно. Я молился, прося Господа позволить мне увидеть ещё хоть раз моих девочек: тебя, моя родная, и Луизу. Благодарение Богу, всё обошлось. Неужели я столь труслив?

20 апреля 1792 г. Борт «Святой Софии», Гибралтарский пролив

Кажется, я становлюсь настоящим моряком! Вчера весь день провёл на реях, изучая премудрости такелажа с юнгой Питом. Мальчишка знает больше меня, это уязвляет, право слово! Сегодня увидел себя в зеркале: должно быть, ты сильно удивишься, когда меня увидишь! Всё лицо покрыто веснушками, даже лоб и виски! Волосы отросли и выгорели на солнце и теперь кажутся совсем белыми. А лицо так загорело, что теперь меня почти не отличить от испанских мавров. Кстати, как говорит капитан Бертуччи, скоро мы увидим острова Мадейра. Зайдём туда пополнить запасы пресной воды. Отправлю оттуда письмо тебе, любимая моя.

3 мая 1792 г. Борт «Святой Софии», Атлантический океан

Вот уже третий день мы не видим ничего, кроме бескрайнего океана. Ослепляющая бирюза воды сливается с небом, а солнце посылает такие яркие блики, что больно глазам. К нашему небольшому каравану присоединилось ещё три корабля испанского купца. Они путешествуют в сопровождении двухпалубного галеона и, по слухам, плывут в колонии за золотом. Я их не осуждаю, конечно, но мне кажется, рабство – это дикий пережиток прошлого, от которого цивилизованным странам давно пора отказаться. Если бы к нам попросил присоединиться работороговец, я бы точно отказал!

Как там моя драгоценная Луиза? Думаю о ней каждый день. Мой ненаглядный ангел, как же я скучаю! А ведь мы ещё даже не в середине нашего пути! Как хочется стать птицей и полететь к берегам Италии, хотя бы одним глазком посмотреть на моих любимых девочек! Кто-то зовёт меня, кажется, Пит. Допишу, когда вернусь.

Пит звал меня, чтобы показать огромные чёрные тучи, что надвигаются на нас со стороны Африки. Капитан Бертуччи хмурится, а это не добрый знак. Матросы закрепили паруса, сейчас привязывают все тяжёлые вещи. Если честно, мне жутко не по себе. Увижу ли я вас снова, мои дорогие девочки?

6 мая 1792 г. Борт «Святой Софии», где-то в Атлантическом океане

Мы пережили это. Мы смогли. После такого шторма ничего не страшно! Мне кажется, я даже поседел. И седины не видно исключительно по причине того, что волосы и так почти белые. Корабли разметало по океану, как щепки. Наша «Святая София» осталась совершенно одна. Почти сутки бушевал шторм, огромные волны крутили нас, как детскую игрушку. Я никогда не видел прежде такой стихии. Теперь-то я понимаю смех капитана Бертуччи по поводу моих страхов после того шквала в Средиземном море. Это безумие, самое настоящее. Как после такого моряки отваживаются вновь и вновь пускаться в путь?! Я несколько раз умирал, пока корабль нырял в пустоту. Сегодня наконец выглянуло солнце, и мы смогли оценить масштабы постигнувшей нас катастрофы. Грот-мачта сломана, её унесло в море. Четыре пушки, которые являлись гарантом нашей безопасности, тоже утонули. Корабль похож на нищего, долгое время плутавшего по улицам. Капитан Бертуччи и старпом пытаются определить наше месторасположение. Надеюсь, до суши недалеко.

8 мая 1792 г. Борт «Святой Софии», Атлантический океан

Страшно признавать это, но положение наше действительно бедственное. Оказывается, часть бочек с пресной водой стояли на палубе. Излишне говорить, что их смыло. Капитан Бертуччи сказал, что до суши несколько десятков миль. Морских, естественно. На океане установился штиль. Мне кажется, мы стоим на одном месте. Несколько матросов были ранены во время шторма и теперь слегли с лихорадкой. Любимая моя София, мне стыдно признаться, но, кажется, я впадаю в отчаяние.

15 мая 1792 г. Борт «Святой Софии», Атлантический океан

Мне кажется, скоро всё кончится. Воды осталось на два дня. Вокруг только океан, только вода, насколько хватает глаз. Как же дорого я сейчас бы заплатил за возможность увидеть хотя бы одно дерево! Хотя бы один камень! Три матроса умерли. Остальные четверо идут на поправку, но очень слабы. У нас нет даже весёл, чтобы двигаться хоть куда-то. Ветер дует еле-еле, и тот душный и сухой. Прости меня, моя драгоценная София. Прости, что потратил все твои деньги и оставил тебя и Луизу без средств к существованию. Я надеюсь, что, узнав о моей гибели, ты сможешь найти в себе силы и вернуться к своим родителям. Уверен, они примут вас с Луизой. Я люблю тебя, моя родная.

18 мая 1792 г. Борт «Святой Софии», Атлантический океан

О, Господи, ты действительно существуешь! Вчера, когда мы в отчаянии собрались на палубе и разделили последние глотки воды, я твёрдо решил застрелиться. Ты права, мой ангел, это был малодушный шаг слабого человека, но что поделать, я действительно дошёл до крайней степени отчаяния! Удалившись на нос корабля, я взвёл курок и попрощался с тобой и Луизой, как вдруг что-то привлекло моё внимание. Не только я заметил чёрную точку на горизонте – вскоре вся команда собралась у борта, крича и размахивая руками.

Это оказался французский корвет «Жозефина»! Его капитан поделился с нами водой и провизией и несказанно обрадовал: до земли всего четыре дня пути! Нас забросило немного южнее, чем планировалось изначально, но всё равно не так далеко, как мы боялись. «Жозефина» отбуксирует нас до порта Белена, где мы сможем починить корабль. Быть может, ещё не всё потеряно, моя любимая София. Если всё сложится хорошо, мы сможем вернуться домой

до зимних штормов с грузом корицы и перца. Это сможет хотя бы окупить потери. О большем я сейчас и не мечтаю. Безмерно люблю тебя, мой ангел.

Луиза отложила письма и прикрыла уставшие глаза. Бедный отец, сколько всего ему пришлось выдержать! Ей вдруг подумалось, что она вполне может повторить судьбу лорда Грейстока и попасть в шторм, подобный тому, что разбил его корабль... Луиза опасливо выглянула в иллюминатор, но там по-прежнему было тихо и темно. Английский берег чернел на горизонте. Решив вернуться к чтению завтра, Луиза погасила ночник и легла, практически моментально провалившись в сон.

Миссис Пинс всё ещё нездоровилось, но избегать других пассажиров вечно было слишком не вежливо, и на завтрак леди Грейсток поднялась в кают-компанию. Там уже сидели капитан и офицеры, а также двое мужчин из числа пассажиров. Почтительно поднявшись при её появлении, мужчины галантно бросились помогать Луизе пройти, отодвинуть кресло, присесть за стол и подать салфетку. Они так старались ей угодить, что девушка не выдержала и улыбнулась.

– О, вы всё-таки решили к нам присоединиться! Правильно, я ещё вчера сказала – эта голубка не просидит в клетке больше одного вечера! – В каюту вплыла высокая леди, одетая в ярко-фиолетовое платье, совершенно не соответствующее времени дня. Высокую причёску её украшали пушистые перья незнакомых Луизе птиц.

– Франческа Бишоп, – представилась женщина, падая в предложенное офицером кресло. – Но вы можете называть меня просто Франческа, я не обижусь. Да что там, не обижусь – я буду рада! Я настаиваю – называйте меня Франческа!

Луиза во все глаза смотрела на сидевшую перед ней женщину, боясь вставить хоть слово в её бурный монолог. От Франчески волнами исходила яркая энергия, которой она заражала всё вокруг. Отвернувшись от Луизы, леди Бишоп достала портсигар и вытащила тонкую коричневую сигару, крикнув капитану, чтобы тот помог ей прикурить. К удивлению Луизы, капитан Четэм с готовностью бросился исполнять просьбу.

– Так куда вы направляетесь, леди Грейсток? – Франческа снова повернулась к оробевшей Луизе и выпустила тонкую струйку голубого дыма. – Не удивляйтесь, я не могла не узнать, как зовут ещё одну леди на корабле. Не считая наших горничных, мы тут единственные женщины на кучу миль вокруг! – И леди Бишоп разразилась громким грудным смехом, столь заразительным, что все мужчины заулыбались. – Можно сказать, почти королевы, не правда ли, Четэм? – Она подмигнула капитану, повергая Луизу в немое восхищение. Она столько читала о таких женщинах: сильных, независимых, вольных в обращении с мужчинами...

– Я еду в Новый Орлеан, к моему опекуну, сэру Уоррингтону, – вставила наконец Луиза. – Оттуда мы поедем к нему на плантацию «Святая Магдалена».

– Уоррингтон? Не знала, что у него есть подопечная, к тому же такая молоденькая и хорошенькая! – воскликнула Франческа, стряхивая пепел в подставленную старшим помощником пепельницу. – Томас – большой скрытнич, из него и слова порой не вытянешь! Я не удивилась бы, узнай, что он держит гарем в подвале «Магдалены», но опекунство... Воистину, этот мир полон сюрпризов!

– Расскажите мне о нём, – попросила Луиза.

– После завтрака, моя дорогая, всё после завтрака.

– Леди Бишоп повернулась к стюарду, расставляющему тарелки: – Мне побольше мяса, дорогой. Да-да, не жалея, и подливы на пюре. Леди должна хорошо питаться! – Она подмигнула Луизе и принялась шустро орудовать приборами.

Луиза покосилась на два крохотных кусочка телятины в тарелке и несогласно качнула головой. От бабушки она привыкла слышать обратное, а вдовствующая графиня всегда была недостижимым примером для внушки.

Завтрак проходил оживлённо, взрывы смеха то и дело нарушали тишину. Франческа Бишоп, будто яркая экзотическая птичка, привлекала всеобщее внимание и вызывала неустанный интерес. Капитан Чэтем так и вовсе практически ел с её рук. Надумай она посетить по пути Африку, он едва ли посмел бы ей отказать!

Луиза не перестала думать об этом и после, когда переоделась и вышла на палубу, чтобы прогуляться. С берега дул лёгкий ветерок, донося запах цветущего вереска, играя с широкими голубыми лентами на шляпке. Бабушка уговорила Луизу снять траур, мотивируя это тем, что скорби место в душе, а на корабле мрачный траур будет мешать завязать знакомства. В глубине души девушка была с ней согласна, хотя всё же чувствовала себя смущённой тем, что слишком быстро перестала носить чёрное.

– Самое неприятное в путешествии между континентами – это его продолжительность. – Леди Бишоп подошла и встала рядом, облокотившись о перила. – Почти месяц в море – есть от чего сойти с ума, не так ли?

– Я никогда не путешествовала так далеко, – пожала плечами Луиза.

– Поверьте мне, это безумно утомительно, – томно вздохнула Франческа и тут же лукаво прищурилась: – Если, конечно, поблизости нет галантных кавалеров, способных скрасить долгий путь.

– Как капитан Чэтем? – Луиза склонила голову на бок.

– И как он тоже. – Леди Бишоп бросила быстрый взгляд в сторону мостика. – В этот раз с нами едет немало достойных джентльменов.

– Вы любите путешествовать, не так ли?

– Приходится, моя дорогая, приходится. – Франческа вздохнула и посмотрела на проплывающий за бортом берег. – Сын учится в Оксфорде. Мой муж категорически отказался отдавать его учиться в Америке! Вот я и разрываюсь между Англией и Новым Светом, раз в году пускаюсь в плавание, чтобы увидеть Найджела. Ещё целый год до новой встречи. – На глазах леди Бишоп блеснули слёзы, и она отвернулась, стремительно поднося платок к лицу. Повернулась Франческа уже с непринуждённой улыбкой: – А дома меня ждёт дочь, Виктория. Она ещё слишком мала для путешествий и на моё счастье родилась девочкой.

Леди Бишоп горько усмехнулась и замолчала, задумчиво глядя на туманные скалы.

– Вы обещали рассказать мне о мистере Уоррингтоне, – попросила девушка. Франческа встрепелась, выныривая из тяжёлых мыслей.

– На самом деле рассказать о нём много я не могу. – Она пожала плечами. – Мы на плантациях знаем друг друга, изредка собираемся на пикниках или балах. Томас Уоррингтон посещает нас крайне редко, и подозреваю, его визиты носят скорее деловой характер, нежели светский. Он почти никогда не остаётся даже на ужин, не говоря уж о танцах, ограничиваясь разговорами с владельцами других плантаций. Он чрезвычайно закрытый человек, в «Святой Магдалене» гостей не любят. Нет, не прогоняют, конечно, – поспешила сказать Франческа, глядя, как испуганно расширяются глаза Луизы. – Я была там пару раз. Прекрасное место. Прекрасное и очень печальное. Быть может, ты сможешь принести туда жизнь?

Луиза грустно кивнула. Мысль о том, что ей придётся жить с угрюмым затворником, внушала страх. Но он не долго владел юной девушкой. Улыбнувшись сама себе, она пообещала, что обязательно растормошит сэра Уоррингтона. Она станет его отрадой и утешением. Будет следить за приготовлением еды, ведь он наверняка не заботится об этом и ест всё подряд! У отца была строгая диета, связанная со слабым желудком. Скорее всего, мистер Уоррингтон питается неправильно, а в его-то возрасте болезни уже выходят из-за угла и проявляют себя. Перед глазами возник трещащий камин и она, подносящая чашку лёгкого бульона и поправляющая клетчатый плед на коленях опекуна. Он полюбит её как дочь, а она станет его утешением. И быть может, она даже уговорит его выезжать в общество, дружить с остальными плантаторами... Да, пожилой мистер Уоррингтон явно нуждается в опеке не меньше, чем сама

Луиза нуждается в опекуне. Ведь ему наверняка не меньше, чем папе, а тридцать восемь лет – немалый срок. И он точно уже обзавёлся подагрой...

Четвертая глава

К вечеру ветер поднялся, и качка стала значимее, загоняя несчастную компаньонку, только начавшую приходить в себя, вновь за ширму. Луиза, убедившись, что она не умрёт над тазиком, вернулась к чтению записей лорда Грейстока.

24 мая 1792 г. Белен, Бразилия

Хвала небесам, я снова чувствую под ногами твёрдую землю! Наш побитый штормом корабль стоит в порту, выделяясь на фоне бригов, корветов и шхун своими потрёпанными боками и оборванными парусами. Надо искать деньги на ремонт. Но где их взять?! Сегодня я ходил в представительство Банка Англии в надежде получить заем, но, увы, мне решительно отказали. Да, имя Грейсток им знакомо, но без поручительства отца они не готовы давать деньги. Думать, что я застрял здесь надолго, не хочется...

Завтра схожу в другой банк, быть может, там мне помогут. Скучаю по вам, мои дорогие. Уже отправил вам письмо и очень надеюсь, что оно дойдёт до дня рождения Луизы. Люблю тебя, мой ангел.

25 мая 1792 г. Белен, Бразилия

В представительстве Банка Насъональ мне отказали. И в Банке Швейцарии тоже. Кажется, эти банкиры все сговорились и не желают помогать попавшим в беду европейцам! К чему они тогда сидят здесь, я не пойму!

Климат отвратительный, постоянная влажность и тысячи москитов. От них не спасает ни сетка, ни мази, которые продают здесь туземцы на каждом шагу. От реки несёт гнилью и затхлой водой. Как бы мне хотелось очутиться сейчас в нашем саду! Попивать прохладный сок и любоваться Средиземным морем... Родная моя, я держусь только ради тебя и Луизы. Вежливые отказы заставляют каждый раз скрежетать зубами от бессилия.

30 мая 1792 г. Белен, Бразилия

Вчера ко мне заходил капитан Бертулчи. Он сказал, что люди ропшут. Просят жалования. Мне нечего им дать. Капитан – отличный человек, порядочный. Сказал, что моряки со «Святой Софии» хотят наняться на другие рейсы, но он возразил, что сначала поставит в известность меня. Храни Господь его честную душу. Я отдал ему почти все деньги, что у меня имелись, и отпустил с миром. Сегодня моя команда отчалила на корабле норвежского торговца. Я остался совершенно один в этом влажном аду, который по чьей-то жестокой насмешке зовётся райскими джунглями.

12 июня 1792 г. Белен, Бразилия

Существует ли в дно, ниже которого человек не может упасть? Потому что если существует, то я уже там. Лежу в самой грязной луже самого дурно пахнущего города мира. Силы заканчиваются. Вера в хорошее – тоже. Сегодня пойду к евреям, отнесу им часы и брелоки. Быть может, мне хватит продержаться еще несколько недель, и тогда в порт зайдёт английский или французский корабль и заберет меня отсюда. Хоть в долг, хоть гребцом на галерах. Только бы подальше отсюда...

13 июня 1792 г. Белен, Бразилия

Я снова и снова убеждаюсь в том, что я – жуткий богохульник и место моё в аду, в самом его пекле! Стоило мне возроптать о своей судьбе, как она снова распахнула передо мной приветливо двери. Еврей, к которому я ходил вчера, едва узнав о моём бедственном положении, сказал, что постарается мне помочь. Нет, мой ангел, не деньгами, как ты могла бы подумать. Он знает одного гринго, так здесь называют белых людей, который недавно искал работника на плантацию. Знаю, что ты сейчас скажешь: рабство – это ужасно. И будешь права, как бы сильно я ни нуждался в деньгах, я никогда не смогу спокойно смотреть, как издеваются над людьми. А уж тем более быть заодно с рабовладельцами. Но еврей сказал, что плантатор ищет

не надсмотрщиков. Что же, завтра я с ним встречусь. Быть может, это мой шанс вернуться к вам, родные мои! С нетерпением жду нашей встречи!

20 июня 1792 г. Вилла «Санрайз», Бразилия

За неделю, что я не писал, накопилось столько новостей, что теперь я боюсь что-то забыть или упустить. Попробую писать по порядку. Встреча с плантатором состоялась, и, вопреки моим опасениям, мистер Кинг оказался приятным молодым мужчиной, полным амбиций и придерживающимся современных взглядов. Мы сразу же нашли общий язык и понравились друг другу. С первых же минут я сказал мистеру Кингу о своём отношении к рабству, на что он рассмеялся и уверил, что никаких контактов с рабами у меня не будет. Ему требуется секретарь, чтобы разгрузить его личного помощника, мистера Уоррингтона, на которого навалилось чересчур много работы в последнее время. На плантации выращивают гевею, а она, как мне теперь известно, является прямым источником каучука. Свойства его исследовали относительно недавно, но уже ни у кого не возникает сомнений в его пользе для нашей промышленности. Мистер Кинг ведёт переписку со многими владельцами фабрик и заводов, и его помощник попросту не успевает обрабатывать всю корреспонденцию. Он нанимает меня на год и за это время не только платит приличное жалование, но и положит неплохую сумму на счёт в любом банке, когда основные сделки с самыми важными магнатами будут заключены.

В любом случае я остаюсь в выигрыше. Я знаю, мой ангел, что мы не рассчитывали расставаться так надолго, но уверен, ты поймёшь, что сейчас это – единственный способ не только вернуться домой, но и заработать. Быть может, я тоже прикуплю себе участок земли в Бразилии, и со временем мы разбогатеем... Но это пока просто мечты.

Дом мистера Кинга огромен и очень удобен. Несмотря на отдалённость, здесь есть такое несомненное благо цивилизации, как канализация. Возможно, ты улыбнёшься этому, моя любимая София, но в Белене я начал забывать о таковом.

Мистер Уоррингтон, помощник мистера Кинга – прекрасный молодой человек. Обаятельный, открытый и улыбчивый. Мы проводим вместе очень много времени, и я не жалею ни об одной минуте. Кажется, Господь наконец вознаградил меня за перенесённые страдания и лишения, и теперь всё наладится! Люблю вас, мои девочки!

Луиза вздрогнула, отрываясь от чтения, и испуганно оглянулась. Но это была лишь миссис Пинс, заснувшая над тазом и уронившая его. До слуха девушки донеслось еле слышное чертыхание. Луиза отложила записи отца, устало потирая переносицу. Мысли в голове скакали, как сумасшедшие, отплясывая причудливые танцы. Выходит, отец заработал своё состояние на каучуке и рабах? Ведь он сам написал, что всё мамино наследство пропало... А мистер Уоррингтон? Что произошло в его жизни, от чего он стал затворником? Луизе показалось, что в дальнейших записях будет лишь новая масса вопросов и почти никаких ответов. Затушив свечу, она легла, прислушиваясь к мерному звуку швабры по полу за стенкой. Перед глазами вставали бразильские джунгли и негры в белых штанах собирали с деревьев каучуковые плоды...

Миссис Пинс, казалось, совсем потерялась на фоне белой подушки, сливаясь с ней по цвету. Кружевной чепец с кокетливыми розовыми лентами обрамлял лицо, ставшее ещё суше и худее. Кожа на остром носу так натянулась, что грозила вот-вот быть проткнутой им. Луиза осторожно держала чашку с лёгким куриным бульоном, помогая компаньонке делать небольшие глотки.

– Кажется, я наконец победила эту постыдную слабость, – прихлёбывая из чашки, говорила миссис Пинс. – Право же, Лоиз, не стоит так опекать меня. – Она произносила имя подопечной на английский манер, растягивая гласные. Поправлять компаньонку Луиза стеснялась, списав её нежелание произносить французское имя на невинную прихоть.

– Завтра мы выходим в открытый океан, – улыбнулась Луиза, протягивая миссис Пинс салфетку. – Если вам полегчает к вечеру, вы могли бы присоединиться к пассажирам за ужином.

– Было непростительно с моей стороны отправлять вас туда одну, моя дорогая, – проворчала миссис Пинс, расправившись наконец с бульоном. – Молоденькой девушке не место среди такого количества мужчин, даже джентльменов.

– Там была миссис Бишоп, – напомнила ей Луиза.

– Да-да, я помню, вы рассказывали мне об этой леди, – отмахнулась, как от мухи, миссис Пинс. Корабль нырнул в волну, несильно качнувшись, и компаньонка охнула, мгновенно позеленев. – Я надеюсь, наше плавание благополучно завершится у берегов Америки. Я, признаться, планирую передать вас в руки опекуна в целости и сохранности.

– Вы полагаете, на корабле моей репутации может что-то угрожать? – удивлённо воскликнула Луиза. Мысли о том, что кто-то здесь может причинить ей вред, в голову не приходила.

– Нет, конечно, Лоиз, – заверила девушку миссис Пинс, в очередной раз умилившись наивности своей подопечной. – Но всё-таки будет лучше, если вы будете меньше времени проводить на палубе и больше в каюте.

Спорить с компаньонкой девушка не стала. К тому же погода за бортом не располагала к прогулкам, а записки отца манили. Убедившись, что миссис Пинс ничего не нужно, она удалилась к себе, вновь погружаясь в жаркие бразильские джунгли.

30 октября 1792 г. Плантация «Санрайз», Бразилия

Надо же, я и не думал, что уже прошло столько времени. Любимая моя София, времени писать нет совершенно! Я завален интереснейшей работой и, если честно, забыл и думать о том, что стоит вести дневник, как ты мне советовала. Жизнь на плантации бьёт ключом. Здесь постоянно что-то происходит. Вчера, например, из гостиной вытащили огромную анаконду, забравшуюся туда сквозь незакрытые двери. А неделю назад я чуть не наступил на мохнатого паука размером с мою ладонь. Джунгли вокруг дома живут своей жизнью, и я никак не могу к этому привыкнуть.

У Кинга множество партнёров, письма от них привозят раз в неделю и выгружают в кабинете. Два дня у нас с Томасом уходит лишь на то, чтобы разобрать их, а после мы начинаем их читать и составлять ответы. Если честно, я не думал даже, что каучук может приносить столько денег. Огромные счета, что мне приходится просматривать, действительно внушают уважение.

Праздники на плантации проходят постоянно. Кинг – отличный хозяин, радушный и справедливый. Я ни разу не видел, чтобы он кричал на слуг или бил рабов. Он позволяет им отмечать все дни их святых, иногда присутствуя там лично. Мне тоже удалось побывать на паре таких праздников, и я потом несколько дней находился под глубоким впечатлением.

24 декабря 1792 г. Плантация «Санрайз», Бразилия

С наступающим Рождеством тебя, мой ангел! Как бы я хотел быть сейчас рядом с вами, раскладывать подарки, смотреть, как кружится снег за окном, и готовиться к праздничному ужину... Здесь снега нет совсем. Очень жарко и душно, никогда бы не подумал, что сегодня Сочельник. Зарядили тропические дожди, и на время работа по сбору каучука прекратилась. Поток писем тоже иссяк – дороги размыло и до плантации сейчас не добраться. Целыми днями мы сидим в гостиной и играем в бридж. Или же просто рассказываем истории из своего детства. Знаешь, не устаю восхищаться Томасом и его силой духа. Он вырос в сиротском приюте Святой Магдалены в Италии. Представляешь, недалеко от Милана. Я сказал, что, когда вернусь, обязательно поставлю свечу в этом приюте. На что Томас ответил, что лучше бы мне вместо этого спалить весь приют к чертям! Кинг нашёл его там и забрал с собой в Бразилию. Кстати, Кинг тоже из бедной семьи, вырос в фавелах Рио-де-Жанейро. Я не могу не восхищаться этими мужчинами. Они добились богатства, поднявшись с самого низа, безо всякой помощи знатного имени или капитала.

1 января 1793 г. Плантация «Санрайз», Бразилия

Сегодня вечером произошёл один неприятный случай, и я до сих пор вспоминаю о нём с содроганием и недоумением. После ужина мы, как обычно, собрались в гостиной за партией в бридж, когда за окнами раздались крики, заставившие нас оторваться от игры. Кинг вышел, а мы с Уоррингтоном остались. Я не смог совладать с любопытством, хотя, каюсь, то, что я увидел, едва ли предназначалось для моих глаз. На земле перед входом в грязи лежали три человека, а над ними возвышался гигантский мужчина. В руках его был кнут, а на спинах людей алели вздувшиеся полосы крови, которую смывал дождь. Кинг вышел на крыльцо и перекинулся несколькими фразами с гигантом. Я не слышал, о чём они говорили, но вскоре Кинг стремительно сбегал по ступеням вниз, выхватил кнут и начал с остервенением хлестать им по спинам несчастных, распростёртых на земле. Скажу тебе честно, я испугался. Я никогда не видел такой ярости. Он забил их до смерти, София. А потом, равнодушно отбросив кнут гиганту, вернулся назад. Я побоялся спросить что-то у Томаса, который, кстати сказать, всё время, что длилось истязание бедных рабов, не сдвинулся с места, продолжая равнодушно тасовать карты. Я сейчас пишу это, а у самого мурашки по коже. Он действительно заставил себя бояться.

2 января 1793 г. Плантация «Санрайз», Бразилия

Ночь спал очень плохо. Вздрагивал от каждого звука. Впервые пришла на ум мысль, что мне стоит поскорее завершить свою работу и возвращаться домой. Кинг с утра был весел, остроумно шутил и ничем не напоминал о вчерашнем происшествии. А мне неприятно находиться с ним в одном помещении. С трудом смог перебороть неприязнь и вести себя неприуждённо.

15 января 1793 г. Плантация «Санрайз», Бразилия

Перечитал предыдущие записи. Знаешь, София, по прошествии времени случай с избивением рабов уже не кажется мне таким страшным. Кинг объяснил, что это были воры, пытавшиеся украсть у него деньги. Мне кажется, что владелец такой большой плантации обязан поддерживать порядок и не делать поблажек никому. Воровство должно быть строго наказано, иначе сотни рабов начнут вести себя так же, а это будет крах всей плантации, всего дела, на которое положено столько сил и денег.

22 февраля 1793 г. Плантация «Санрайз», Бразилия

Сегодня я впервые объезжал плантацию с Томасом. Она воистину огромна. Деревья гевеи тянутся ввысь, сотни рабов ходят меж стволов, разрезая кору, подставляя сосуды под тягучий сок, который здесь не стоит ничего, а за пределами плантации обратится в золото. Я даже представить себе не мог, сколько на самом деле людей трудится здесь. Их тысячи. Я спросил у Томаса, кто был тот гигант. Он нахмурился и поначалу отвечать не хотел, но я настаивал. В итоге он сдался и всё мне рассказал. Гиганта-негра зовут Саиб, он нубиец и лучший надсмотрщик за рабами, который есть у Кинга. Он безжалостен и беспощаден. А ещё верный, как пёс. Кинг спас его, выкупив на невольничьем рынке, где тот стоял на потеху толпе голый и каждый мог кинуть в него камень, чтобы проверить его силу и выносливость. Хозяин хотел показать, что нубийцы – самые лучшие работники и умирают позже остальных. Кинг купил его полуживым, выходил и поставил надзирать за рабами. Томас говорит, что Саиб жизнь готов отдать за хозяина. Знаешь, София, в Кинге собрано столько противоречий, что это заводит меня в тупик. То он великодушный друг и хозяин, то хладнокровный убийца. Не знаю, хочу ли я выяснить, каков он на самом деле...

17 апреля 1793 г. Плантация «Санрайз», Бразилия

Как бы я ни пытался уверить себя, что убийство рабов оправдано, неприятный осадок остался. Я начал замечать то, что ранее казалось мне незначимым и не достойным внимания. Например, что все рабы в доме – мужчины. Не знаю почему, ведь на плантациях я видел немало женщин. Или то, что они периодически меняются. Куда они исчезают? Вчера спросил у Томаса,

в ответ тот лишь печально улыбнулся и покачал головой. Но даже не это настораживает меня всё сильнее. Я нашёл несоответствия в количестве рабов на плантации, их смертью и приобретением новых. Их явно больше, но ведь они не могут умирать в таком количестве! Попытаюсь во всём этом разобраться, хотя мой инстинкт самосохранения буквально кричит о том, что лезть туда не стоит.

2 июля 1793 г. Плантация «Санрайз», Бразилия

Здравствуй, мой ангел, моя любимая София. Как давно я просто не говорил с тобой, не обращался к тебе даже в мыслях. Как вы там, мои девочки? Луиза наверняка так выросла, что я её не узнаю... Сегодня мне очень грустно. Я как никогда чувствую свою оторванность от вас, мои дорогие.

Моё расследование зашло в тупик. Я отчётливо понимаю, что люди умирают на плантации «Санрайз» непрерывно.

28 октября 1793 г. Плантация «Санрайз», Бразилия

Правда, открывшаяся мне, столь ужасна и опасна, что даже думать о ней страшно, не то что знать. Разбираясь в очередной кипе корреспонденции, я наткнулся на знакомое имя. Кто-то в Англии имел дела с Кингом, и это меня чрезвычайно заинтересовало. Письмо было открыто, и я прочитал его. К добру ли, к худу ли, судить поздно.

Речь в нём шла о крупной партии алмазов, которые англичанин должен был получить. Алмазы. Вот в чём дело. Каучук несомненно приносит прибыль, но основной доход – алмазы. Добыча их в Бразилии строго регламентируется, и я подозреваю, что Кинг ворует их у короля. Неужели Томас тоже в этом замешан?

18 ноября 1793 г. Плантация «Санрайз», Бразилия

С каждым днём я нахожу всё больше и больше доказательств того, что Кинг – преступник. На самом деле плантация «Санрайз» – это прикрытие незаконной деятельности. Где-то в глубине бразильских джунглей находятся копи, в которых ведутся разработки. Там, в бесчеловечных условиях гибнут люди, и всем вокруг на это наплевать. Я слышал два дня назад разговор Саиба с одним из слуг. Он грозил, что отправит его на рудник в случае неповиновения. В чём именно он должен повиноваться? Так много загадок. Меня не отпускает чувство, что я залез не в своё дело, причём очень глубоко. Мне надо бежать отсюда, бежать как можно скорее. На мои осторожные упоминания о том, что контракт подошёл к концу, Кинг лишь отшучивается. Кажется, он начинает что-то подозревать. Помогите мне, Господи, вновь обрести семью, увидеть вас, мои любимые девочки.

19 декабря 1793 г. Плантация «Санрайз», Бразилия

Я был прав, моя дорогая. Я был прав во всём. Кинг – бездушное чудовище, которое не только отправляет сотни людей на смерть, не только ворует у Португалии алмазы. Он получает удовольствие, убивая людей. На его глазах их мучают, пытаются, иногда режут на части. Не знаю, зачем пишу всё это, просто хочу выговориться, скорее всего. Об этой страсти Кинга мне рассказал Томас. Он же пообещал помочь мне с побегом. Мы покинем плантацию в канун нового года. Кинг как раз собирается посетить губернатора в его поместье. Идеальное время для побега. Томас пообещал подготовить всё. Не понимаю, зачем он это делает? Ведь Кинг спас его. Что ж, каждый имеет право на тайны. Тайны Томаса я узнавать не буду.

13 марта 1794 г. Борт «Императора Карла», Атлантический океан

Не верю, что снова могу писать. Мой ангел, я еду к вам. Страшно вспоминать наше лихорадочное бегство по джунглям. Я был ранен и несколько недель пролежал в Белене, в самых гнусных его фавелах. Со мной неотлучно находился Том, я никогда не смогу отплатить ему за то, что он для меня сделал... Люди Кинга искали нас почти два месяца, но в конце концов смирились и ушли – видимо, решили, что мы уплыли или же сгинули в джунглях. На память о

полтора года, проведенных на плантации «Санрайз», я унёс пулевое ранение и опасное знание о том, что в английском правительстве наживаются на контрабанде алмазов. Есть у меня ещё небольшой подарок, который преподнёс мне Томас. Мы расстались с ним в порту Белена, он сел на корабль, уходящий в Соединённые Штаты. Увижу ли я когда-нибудь его, моего друга, что спас мне жизнь? Не знаю. Зато совсем скоро я увижу вас, мои любимые девочки. И я очень счастлив, что всё наконец закончилось!

Бережно сложив письма, Луиза внимательно присмотрелась к бумаге, отмечая на ранних записках не замеченные ранее водянистые разводы. Удивительная история отца повергла ее в состояние, близкое к шоку. Она словно посмотрела на любимого, спокойного и уравновешенного лорда Грейстока с совершенно другой стороны. То, через что ему пришлось пройти, ставило его на один уровень с непревзойденными героями сэра Вальтера Скотта. Её всегда невозмутимый отец, оказывается, пережил такие невероятные и опасные приключения! И Томас Уоррингтон... Значит, они познакомились ещё тогда, на плантации. Но почему же в их семье ни разу не упоминался тот, кто спас жизнь графу?!

Пятая глава

Открытый океан раскинулся перед путешественниками, сияя всеми оттенками синего. Дул ровный восточный ветер, и корабль, легонько поскрипывая парусами, бежал вперёд, оставляя после себя след белоснежной пены. Прячась от лучей утреннего солнца под широкополой соломенной шляпой, Луиза с удовольствием подставляла лицо свежему ветерку. Миссис Пинс наконец полегчало, и теперь она высокой скорбной тенью повсюду следовала за своей подопечной, вздыхая и то и дело поднося сильно надушенный платок к носу.

– А вот и он, океан во всей своей красе! – Франческа выпорхнула на палубу, как тропическая бабочка, переливаясь всеми оттенками изумрудно-зелёного. Миссис Пинс неодобрительно окинула взглядом голые руки леди Бишоп и демонстративно фыркнула.

– О, миссис Пинс опять чем-то недовольна, – безмятежно улыбнулась Франческа, беря под руку Луизу. – Надеюсь, это не колики?

Луиза с трудом сдержала смех, крепко сжав губы. Прогулки по палубе были одним из немногих развлечений, которые были доступны здесь женщинам. И компаньонка стоически переносила их, наотрез отказываясь оставлять молодую графиню Грейсток наедине с «этой ужасной, распушенной женщиной». Франческа, впрочем, совершенно не огорчалась, островами отбиваясь от чопорных взглядов и вздохов миссис Пинс.

– Знаешь, моя дорогая, я впервые жалею, что нам так долго плыть – мне не терпится познакомиться тебя со всеми нашими соседями.

– А их много? – заинтересованно спросила Луиза.

– Иногда мне кажется, что чересчур, – усмехнулась леди Бишоп. – Но если сравнивать с лондонским светом, то, конечно, наше общество едва ли походит на него. Несколько женатых пар, два полковника в отставке и трое одиноких мужчин, один из которых с твоим приездом таким являться перестанет.

– Если честно, мне не терпится увидеть Новый Орлеан... – Луиза мечтательно прикрыла глаза. – Я никогда не была во Франции, а ведь город ещё недавно принадлежал французам...

– Да, Наполеон, конечно, сделал большую ошибку, продав земли Америке. – Франческа послала ослепительную улыбку появившемуся на мостике старшему помощнику. Тот, заметив её, расправил плечи и приветственно кивнул. – Я родилась и выросла в Луизиане, мои родители покинули Францию в середине прошлого века.

– Так вы коренная американка! – воскликнула Луиза. Миссис Пинс, стоявшая неподалёку, вздрогнула и попыталась прислушаться.

– Креолка, – мягко поправила её Франческа. – Так у нас называют потомков европейских переселенцев. А вот муж мой – англичанин, приехавший в Луизиану по делам, да так там и оставшийся. Иногда он кажется мне настолько сухим, что хочется кинуть его в болото и не выпускать, пока он не размякнет. Кстати, миссис Пинс напоминает мне его, из них вышла бы отличная пара! – В голосе леди Бишоп Луиза расслышала неподдельную горечь, но Франческа уже безмятежно улыбалась, глядя на горизонт.

– Я люблю наш город, – продолжила она после короткой паузы. – Жаль только, бывать в нём приходится редко. Дела на плантации и поездки отнимают почти всё время.

– А как далеко от вашей плантации до Нового Орлеана? – с любопытством спросила Луиза.

– Шесть часов, – пожала плечами Франческа.

– О, это не очень далеко. – Луиза вспомнила поместье Грейстоков, которое находилось в трёх днях езды. Но ведь в Лондоне у них был городской дом, в котором они жили с сентября по май.

– Плантация Уоррингтона находится ещё дальше, – улыбнулась Франческа. – Мы разбросаны по всей Луизиане, как кости на игральном столе. Кто-то дальше, кто-то ближе. Кто-то владеет отличными полями, а кто-то довольствуется клочками земли среди болот...

– Вы выращиваете сахарный тростник? – Луиза боялась заводить разговор о рабах, хотя, к стыду своему, эта тема интересовала девушку больше всего.

– И жгучий перец, и сахарную свёклу. А на западе штата растёт хлопок. У нас для него слишком влажный климат, а жаль. Он стоит намного дороже, чем сахар. – Франческа прикусила нижнюю губу, подсчитывая что-то в уме.

– И много у вас рабов? – набралась наконец смелости спросить Луиза.

– Три тысячи, или что-то около того, – небрежно пожала плечами Франческа. – Подсчёты ведёт муж, я не вникаю в его дела. Денег на обучение сына в Англии и на гувернантку-француженку для дочери у нас хватает. Через три года пора выводить её в свет, а я уже начала готовиться. Знали бы вы, как дорого в Америке обходится то, на что в Англии даже не обращают внимания! Сейчас я везу с собой кружева и чулки. Да-да, чулки! Можете себе представить, что тонкий шёлк в Луизиане не сыскать, будь ты хоть жена губернатора!

– Значит, вы даже не знаете, сколько у вас рабов? – продолжила гнуть своё Луиза.

– А зачем? – настала очередь Франчески удивляться. – Дорогая моя, что даст мне это знание? Рабы приносят доход, мы заботимся о них, кормим, одеваем. Мы не жестоки с ними, и они вполне счастливы. Не понимаю, почему я должна знать их точное количество, ведь смертность среди них велика, как бы мы не пытались их лечить и следить за ними. В болотах водятся крокодилы, в лесах полно змей. Да и просто физический труд не каждому под силу... – Креолка фыркнула: – Вы так интересуетесь ими, что я могу решить, будто вы одна из тех, кто ратует за отмену рабства...

– А такие есть? – Луиза округлила глаза.

– Муж упоминал пару раз о разговорах, что ведутся в Вашингтоне. Но не думаю, что под ними есть какие-то основания. Впрочем, не будем об этом. Смотрите, к нам идёт капитан!

Вечером в каюте Луиза вернулась к разговору с креолкой. Франческа казалась ей цивилизованной и образованной женщиной, и то, с каким пренебрежением она говорила о рабстве, оставило в душе неприятный осадок. Хотя мистер Уоррингтон тоже владел плантацией, а он, судя по запискам отца, был прекрасным человеком... Тяжело вздохнув, Луиза забралась в кровать и укуталась в одеяло. Какая она, эта таинственная Америка?

Многоголосый гомон из порта долетал даже до корабля, только начавшего входить в гавань. Луиза и миссис Пинс стояли на палубе, жадно вглядываясь в открывавшуюся картину. Город расположился вдоль берега широкой реки, несшей свои мутно-коричневые воды в прозрачный Мексиканский залив. Поднимаясь по дельте Миссисипи, корабль медленно приближался к берегу. Порт пестрел судами, стоявшими на рейде. Между ними сновали мелкие лодки, и торговцы предлагали купить табак и фрукты.

– О, меня уже ждут! – радостно воскликнула Франческа, помахав рукой многоцветной толпе. Тут же в ответ раздалось ответное приветствие – высокий негр в ливрее поднялся на козлах и яростно размахивал шляпой.

– Генри опять заставил его надеть форму. – Леди Бишоп повернулась к Луизе: – Ему кажется, что негры должны выезжать из плантации в ливреях, будто мы – дворяне титулованные! – Она фыркнула, но Луиза расслышала нотки гордости в ее голосе. Сама девушка вглядывалась в кишашую людьми пристань, пытаясь угадать, какая из немногочисленных колясок ждёт её.

Зазвенела якорная цепь, и корабль вздрогнул всем корпусом, замирая. Матросы закрепляли трапы и выносили багаж на палубу. Луиза вцепилась в небольшой дорожный ридикюль, пытаясь унять волнение и дрожь. После корабля на твёрдой земле её слегка покачивало. Рядом

миссис Пинс вполголоса возносила хвалы Богу, что добралась до края света живая и невредимая.

– Леди Грейсток? – Едва чемоданы опустились на землю рядом с девушкой, как возле нее возник улыбающийся мужчина. Невысокий и полноватый, с блестящей от пота лысиной, он дружелюбно смотрел на дам. Луиза приветливо улыбнулась в ответ, чувствуя, как с души с грохотом скатывается огромный камень. Мистер Уоррингтон выглядел в точности так, как ей и представлялось.

– Мистер Уоррингтон, я бесконечно признательна вам, что нашли время встретиться. – Луиза протянула руку, затянутую в дорожную лайковую перчатку, и мистер Уоррингтон любезно к ней приложился.

– Смею надеяться, мы отправимся в путь не раньше, чем отдохнём, – поговорила миссис Пинс, одобрительно оглядывая плантатора с ног до головы. – Это плавание выпило из меня все соки.

– Мне кажется, все соки из вас выпили задолго до плавания... – Возникшая из ниоткуда Франческа остановилась за спиной миссис Пинс. Компаньонка сжала губы так плотно, что они побелели. – Мистер Свенсон! Как я рада вас видеть! Ни минуты не сомневалась, что встречу вас здесь!

– Мистер Свенсон? – Луиза растерянно смотрела на встретившего их мужчину. Тот виновато улыбнулся и развёл руками: – Простите, я не успел вам сказать. Мистер Уоррингтон не смог приехать лично и прислал меня. Дела на плантации, знаете ли.

– Крайне невежливо с его стороны, – процедила миссис Пинс, отметив для себя, что мистер Уоррингтон – деловой человек, а это качество считалось компаньонкой чрезвычайно неприличным. Настоящий джентльмен не умеет зарабатывать деньги, это знают все. На это у него есть управляющие! Фыркнув для пущего эффекта, она воинственно посмотрела на съжившегося под её взглядом мистера Свенсона.

– Простите, – снова извинился мужчина и перевёл взгляд на Луизу. – Боюсь, времени отдыхать у нас нет. Если мы хотим успеть до темноты, следует выезжать немедленно.

– Я так и знала! – воскликнула миссис Пинс, будто это подтвердило её самые худшие опасения об опекуне и его воспитании. С видом глубочайшего неудовольствия она расправила плечи и грозно посмотрела на мистера Свенсона, собираясь следовать к коляске. Большую часть дороги она просидела в углу, изредка закатывая глаза, когда колесо наезжало на очередную кочку.

– А кем вы приходитесь мистеру Уоррингтону? – любопытствовала Луиза, пока багаж грузили на повозку, которую предусмотрительно взял с собой Свенсон.

– О, я его управляющий, – охотно ответил Свенсон. – И бухгалтер, если угодно.

– Послать за нами бухгалтера! – донеслось со стороны миссис Пинс. – Неслыханно!

– Мистер Уоррингтон часто объезжает плантацию и старается следить за всем лично. – Мистер Свенсон помог Луизе подняться в коляску. Миссис Пинс с видом оскорблённого величия протянула ему свою руку. Запрыгнув следом, управляющий крикнул кучеру, и коляска принялась осторожно выбираться из толпы.

Первое время Луизе было не до разговоров – она во все глаза смотрела по сторонам, впитывая яркое многообразие, что окружило её. Люди всевозможных, казалось, оттенков кожи спешили куда-то, смеялись, пели песни, говорили. Куда-то торопились всадники и кареты, разъезжали ярко разодетые дамы, и громко кричали дети. Дома, красные, белые, жёлтые, синие, украшали округлые французские балкончики, с которых свешивались цветущие лианы. А еще Луиза никогда не видела столько негров, собранных в одном месте. И здесь, кажется, никто не придавал этому значения. На них не обращали внимания.

– Новый Орлеан – мультикультурный город, – видя заинтересованность девушки, принялся объяснять Свенсон. – Я бы назвал его новым Вавилоном, если позволите. Здесь собраны практически все национальности мира! Спросите о любых – они здесь есть!

– Португальцы! – загорелась Луиза.

– Есть!

– Французы!

– Полно!

– Немцы!

– Целая община!

– Испанцы! Нет, итальянцы!

– И они есть!

– Сдаюсь, – Луиза со смехом подняла руки. – Подозреваю, что здесь действительно собран весь мир!

– Шесть лет назад Наполеон продал Луизиану американцам, и с тех пор город постигли изменения, – продолжил Свенсон. – Вырос порт, в город потянулись предприниматели и люди разнообразных профессий. – Миссис Пинс громко фыркнула и пробормотала: «Город торговцев, было бы чем гордиться!». – Однако протестантская церковь пытается повлиять на слишком свободные нравы, а местным жителям это не нравится, – протянул мистер Свенсон, показывая глазами на нескольких монашек, яростно выкрикивающих что-то трем хохочущим девушкам, свешивающимся с кованого балкончика. – Какого вы вероисповедания? – спросил вдруг Свенсон.

– Католичка, – моргнула Луиза. – У меня мама – француженка.

Управляющий довольно кивнул и принялся рассказывать дальше. Коляска выехала на мост, перекинутый через широкую реку.

– Миссисипи, – в ответ на её невысказанный вопрос ответил мистер Свенсон. – Она здесь делает петлю. Скоро мы выедем за город.

Новый Орлеан действительно вскоре остался за спиной, а впереди легли влажные субтропические леса. Воздух сгустился, в нём зазвенела незаметная в городе мошкара. Меж деревьев тут и там мелькали ядовито-зелёные бочаги болот, а мохнатый серебряный мох кутал высокие деревья в шали. Луиза замолчала, с интересом разглядывая природу вокруг. Миссис Пинс задремала, вскоре к ней присоединился и мистер Свенсон. Коляску мерно покачивало на дороге. Изредка она выныривала на яркие солнечные лужайки, но в основном дорогу обступали мрачные и серые заросли, в которых то и дело что-то вздрагивало и шевелилось. Небо затянуло серыми облаками, и кучер остановил коляску, спрыгивая с козел и натягивая над пассажирами кожаную крышу. Луиза вздрогнула, глядя на высокого чернокожего мужчину, со сноровкой развязывающего полог. Он блеснул яркими белками глаз, хитро улыбнулся и ловко запрыгнул обратно. Коляска снова покатила по дороге, и спустя пару минут по пологу застучали первые капли. Под их мерный стук измученная обилием впечатлений Луиза погрузилась в сон.

Проснувшись она от чьих-то голосов и недоуменно огляделась, пытаясь понять, где находится. Дождь давно перестал, и коляску окутали мягкие сиреневые сумерки. Воздух был наполнен ароматом неизвестных Луизе цветов. По краям дороги стояли рабы, то и дело выкрикивавшие что-то кучеру на странном гортанном языке. Кучер, смеясь, отвечал им. Леса отступили, вокруг, на сколько хватало глаз, тянулись поля высокого тростника, а впереди, в стремительно сгущающихся сумерках чернело поместье.

– Смотрите, это «Магдалена», – в голосе Свенсона слышалась гордость. Чем ближе они подъезжали, тем сильнее стучало сердце Луизы. Огромные дубы подпирали небо, угольными тенями выделяясь на сером небе. Дорога вилась между ними, ведя прямо к большому бело-снежному дому, погружённому во тьму.

– Нас точно ждут? – с беспокойством спросила Луиза, оборачиваясь к Свенсону.

– О, конечно, не сомневайтесь! – улыбнулся управляющий. – Видимо, мистер Уоррингтон ещё не приехал, поэтому огни в комнатах не зажигают.

– Он ещё и скряга, оказывается, – пробормотала проснувшаяся миссис Пинс.

– Свет привлекает насекомых, мэм, – уязвлено ответил мистер Свенсон, явно обиженный за несправедливое обвинение хозяина поместья. Компаньонка скосила глаза на нахохлившегося мужчину, но ничего не сказала. Коляска сделала широкий круг и остановилась у белоснежной лестницы, у подножия которой стояло несколько слуг.

– Смотрите, слуги вышли встречать вас. – Свенсон спрыгнул с коляски с несвойственной для его комплекции живостью и протянул руку Луизе, а затем и миссис Пинс. Черногожие слуги окружили вновь прибывших, блистая белозубыми улыбками на тёмных лицах.

– Какая хорошенькая!

– Давно пора вдохнуть жизнь в этот дом!

– Вы такая тоненькая, аж страшно!

– Оставьте девочку в покое, с дороги ведь, устала небось! – Высокая полная негритянка в белоснежном чепце и тёмно-синем платье растолкала собравшихся слуг и подошла к ошалевшим от такого неожиданного внимания путешественницам.

– Пройдёмте в дом, мэм, там давно вас комнаты ожидают. И ванны, конечно, куда ж без этого! Ишь, облепили, как осы арбуз! А ну за работу быстро! И ты, масса Свенсон, уж должен был бы догадаться! Взрослый мужчина, ай-ай-ай!

Миссис Пинс с интересом смотрела на негритянку, важно поднимавшуюся по ступеням. Один её вид внушал глубочайшее уважение. А то, как она разогнала слуг, так и вовсе пробудило в сердце пожилой леди глубокую симпатию.

– Я ведь не представилась, – спохватилась женщина, обернувшись в самых дверях. – Адеола. Я управляю слугами в этом доме. А вы, должно быть, леди Грейсток. – Адеола повернулась к Луизе, и та поспешно кивнула. – А вы – компаньонка?

– Миссис Пинс, – представилась та.

– И правильно, негоже молодой леди самой путешествовать, да ещё и так далеко. – Адеола вошла в дом. Миссис Пинс прошла следом, то и дело кивая, будто соглашаясь с каждым словом негритянки.

Дом, погружённый во тьму, казался огромным и мрачным. Запалив свечу, Адеола принялась подниматься по широкой лестнице, ведущей на второй этаж.

– Мы тут свет лишний раз не зажигаем. Москиты налетают да мошара всякая. Да и экономия опять же. – Она повернулась к миссис Пинс, будто ища поддержки, и та с готовностью кивнула. Понять бережливость экономки она как раз-таки могла.

Горячая ванна стояла прямо посередине комнаты, зазывая ароматным паром. Пока Адеола зажигала свечи в канделябрах, Луиза разглядывала комнату, в которой ей предстояло жить. Кровать стояла на возвышении (чтобы еноты не пробрались, как сказала Адеола), укрытая густой сеткой, спускавшейся с потолка (от москитов, опять же поведала экономка). Плетёные сундуки стояли вдоль широких окон, сейчас прикрытых. Небольшой туалетный столик, шкаф да дверь, ведущая в отхожее место. Комната, после каюты на корабле и тряски в коляске, показала графине верхом комфорта.

Едва дверь за экономкой и миссис Пинс закрылась, как Луиза развязала ленты на шляпке и стянула её, бросая в одно из плетёных кресел. Перчатки полетели туда же, и девушка с блаженным вздохом запустила руки в волосы, стянутые тугой причёской. В дверь тихо постучали, и практически сразу внутрь просунулась любопытная голова.

– Я Зэмба, мэм, буду вам помогать. – В комнату юркнула худенькая темнокожая девушка в оранжевом платье и небрежно нахлобученном на голову чепце. Стараясь не задумываться об

общей невоспитанности слуг, Луиза благодарно повернулась к девушке спиной, открывая ей доступ к многочисленным крючкам на платье.

– Ох, мэм, как же вы ходите-то в этом! – охнула Зэмба, едва верхнее платье опустилось на пол. Уставившись на корсет, плотно облегающий тело, служанка обошла Луизу по кругу, цокая и качая головой. Луиза же, опешив от такой бесцеремонности, попросту потеряла дар речи. Вспомнив наконец о своих обязанностях, Зэмба принялась расшнуровывать корсет, не уставая бормотать что-то на своём языке. Но вскоре Луиза позабыла обо всём, стоило ей погрузиться в тёплую воду, пахнущую мятой и лимоном. Каждую клеточку ломило от усталости, а глаза закрывались сами собой. Она лениво поворачивала голову, пока Зэмба мыла её волосы, и откидывалась на колени, позволяя служанке натереть ей спину. Казалось, если бы не служанка, она давно бы соскользнула в воду и уснула на дне большой медной ванны. Мерный плеск воды и тихий напев Зэмбы убаюкивал, и Луиза, видимо, всё же уснула, потому что крик служанки заставил её испуганно распахнуть глаза.

– Масса приехал! Масса Том приехал!

Шестая глава

– Масса Том! Масса Том приехал! – Зэмба радостно кричала, выглядывая из окна. Луиза вздрогнула – вода уже успела остыть. Странно, что Адеола не сказала, когда будет ужин, хотя чего тут странного – вероятно, всё поместье здесь жило по времени, которое устанавливал его хозяин. А сам он, судя по всему, никакого представления о распорядке не имел. Поднявшись из ванны, Луиза потянулась за простынёй, но достать её не получилось.

– Зэмба! Дай мне простыню! – пришлось прикрикнуть на восторженную служанку, не сводящую глаз со двора. С неохотой оторвавшись, Зэмба протянула Луизе ткань и помогла вылезти. – Поддай голубое платье с кружевами. Оно должно лежать вон в том сундуке. – Луиза оглянулась, пытаясь вспомнить, в какие сундуки и что укладывали.

Пока она купалась, все вещи подняли наверх, но начать их распаковывать Зэмба явно не додумалась. Тяжело вздохнув, графиня полезла в сундук и принялась извлекать наряды под восторженные вздохи служанки, попутно объясняя, как надо развесить платья и как их завтра следует отгладить. Жёлтое платье из тонкого муслина подходило для жаркого вечера как нельзя кстати. Да и в гладке почти не нуждалось. Придётся понадеяться, что мистер Уоррингтон не заметит складки на подоле.

Влажные волосы Зэмба шустро собрала в высокую причёску, вызвав вздох облегчения у Луизы. Графиня боялась, что и с волосами ей придётся управляться самой. Тонкие кружевные перчатки дополнили наряд, и Луиза удовлетворённо оглядела себя в зеркале. Для путешественницы, только утром сошедшей с корабля, она выглядела очень даже мило. Кивнув себе, девушка посмотрела на Зэмбу и глазами указала на сундуки. Изнывавшая от любопытства служанка тяжело вздохнула, всем своим видом показывая, как несправедлива судьба и как сильно она хотела присутствовать на первой встрече хозяина и его подопечной. В коридоре уже ждала миссис Пинс, бросавшая тревожные взгляды на комнату Луизы.

– О, Лоиз, как я рада, что вы уже готовы. – Компаньонка заметно нервничала и явно чувствовала себя не в своей тарелке. – Адеола рассказала мне, как пройти в столовую, но я боюсь идти одна. И вам бы не советовала. Здесь за каждым углом полно негров! Боюсь, мои нервы не выдержат этого испытания! Бедный мистер Пинс, вероятно, переживает не меньше, наблюдая с мягкого облака за своей несчастной женой! – И она тоненько всхлипнула, подходя к дубовой лестнице.

Сама Луиза испытывала схожие чувства, но боялась показать свой страх. Сердце билось где-то высоко в горле, а руки сотрясала мелкая противная дрожь.

С приходом хозяина поместье действительно осветилось и теперь выглядело гораздо дружелюбнее и уютнее. В высоких напольных канделябрах горели толстые восковые свечи, а рядом неизменно тлели ароматические палочки, наполняя дом сладким цветочным ароматом. В столовой уже стоял накрытый стол, вокруг которого нервно прохаживался мистер Свенсон. Завидев дам, он расплылся в улыбке:

– Как я рад вас видеть!

– А к ужину так и не переоделись, – проскрипела миссис Пинс, безжалостно глядя на пятна пота под мышками управляющего. Тот покраснел и опустил руки.

– Не было времени, к моему глубочайшему сожалению, – пробормотал Свенсон. – Обещаю впредь не повторять этой ошибки.

– Да уж постарайтесь, – высокомерно задрав подбородок, миссис Пинс прошла к окну и выглянула, словно увидела что-то безумно интересное в чернильной темноте.

Луиза смотрела на стол, удивляясь его сервировке: богатые серебряные блюда здесь перемежались с тонким фарфором, а стекло соседствовало с хрусталем. Управление в доме и в самом деле было поставлено из рук вон плохо. Ну что ж, она обязательно возьмёт всё в свои

руки! За спиной слышались быстрые шаги, и Луиза замерла, прислушиваясь. Они не походили на шаги, принадлежавшие болящему подагрой джентльмену. Приближаясь, они всё больше напоминали бодрый шаг военных, коих немало повидала на балу молодая графиня.

– Прошу простить за моё вынужденное отсутствие, – мягкий бархатный баритон звучал с неподдельным раскаянием. – Увы, некоторые дела требуют моего неперемennого присутствия. Леди Грейсток?

Глубоко вздохнув, Луиза резко повернулась и замерла, жадно разглядывая своего опекуна, человека, от которого теперь зависела вся её жизнь. Высокий, выше её отца. Глаза смеющиеся. Ярко-голубые, кажется. Или всё-таки серые? Заострённые скулы, тёмно-русская прядь волнистых волос упала на лицо, загорелое и обветренное. А улыбка такая широкая и открытая, что хочется безостановочно улыбаться в ответ. Протянув руку, она несмело улыбнулась.

– Вы и впрямь не похожи на Джона, – тихо сказал мистер Уоррингтон, невесомо касаясь её руки губами. – Вот только волосы, как у него. – Он прищурился и вдруг улыбнулся ещё шире: – И веснушки.

Луиза вспыхнула и опустила глаза. Упоминание о веснушках было явно излишним. Она их попросту ненавидела. Смушение улеглось, пока они рассаживались. Мистер Уоррингтон завёл непринуждённый разговор с миссис Пинс, которую, похоже, его улыбка ничуть не смутила. Она забрасывала опекуна вопросами, пытаясь выяснить, как часто он отлучается и как будет поступать теперь, когда на его попечении находится незамужняя девица.

– Полагаю, для решения большинства этих вопросов здесь находитесь вы, не так ли? – Томас потянулся к блюду с подливой, и миссис Пинс поморщилась. Луизе показалось, что она может прочесть приговор, что вынесла компаньонка мистеру Уоррингтону, на её лице. Невоспитанный. Определённо невоспитанный.

– Так вы всё это время жили в Англии? – Уоррингтон, казалось, потерял к подопечной интерес и принялся за еду, и повисшее в воздухе молчание попытался разбавить мистер Свенсон.

– Да, с отцом, – с готовностью ответила Луиза. – Мама умерла.

– Примите мои соболезнования, – смутился управляющий.

– Спасибо, но это было очень давно, – мягко улыбнулась девушка. – Мне было десять, когда её не стало.

В столовой снова повисло молчание, прерываемое бодрым стуком приборов о фарфор – мистер Уоррингтон явно не жаловался на отсутствие аппетита. А вот Луиза так разнервничалась, что теперь не могла заставить себя проглотить и кусочек.

– А другие родственники у вас есть? – сделал ещё одну попытку завязать разговор мистер Свенсон.

– Да, бабушка.

– Но почему же тогда вы не остались с ней? – удивлённо воскликнул управляющий и покосился на безмятежно жуящего Томаса.

– Так решил мой отец, – пожала плечами Луиза.

– А вы всегда были послушной девочкой, не так ли? – произнёс мистер Уоррингтон, пронзая её насмешливым взглядом ярко-голубых глаз.

– Всегда, – кротко кивнула Луиза, оставив без внимания выпад. – Я привыкла почитать старших. Однако к вам у меня будет несколько вопросов и одна просьба. Я надеюсь, вы пойдёте мне навстречу и исполните её.

– Леди не успела появиться в доме, а уже что-то требует, – хмыкнул Томас, промокнул губы салфеткой и бросил её на стол. – Что ж, если вы не голодны, может, перейдём в кабинет? Там вы сможете изложить свою просьбу, а я посмотрю, что могу для вас сделать.

С этими словами он кивнул миссис Пинс, поднялся из-за стола и стремительно покинул комнату. Луиза беспомощно посмотрела на управляющего, но тот лишь со вздохом пожал плечами и вернулся к ужину.

Кабинет Томаса Уоррингтона занимал, казалось, самую большую комнату в доме. По крайней мере, из всех, что успела увидеть Луиза. Огромный письменный стол поражал безупречной чистотой и порядком. Из распахнутых окон доносились звуки странной музыки, большей похожей на чьё-то дыхание. То прерывистое, то глубокое и спокойное.

– Там-тамы, африканские барабаны, – в ответ на её вопросительный взгляд пояснил Томас, останавливаясь у небольшого столика с графинами. Плеснув виски в стакан, он отошёл к столу и приглашающее указал на кресло.

– А мне выпить вы не предложите? – смело спросила девушка.

– А вам не слишком рано? – осведомился опекун, вытягивая длинные ноги в высоких сапогах для верховой езды, которые он так и не передел, когда приехал.

– Мне уже восемнадцать! – возразила Луиза, обиженная тем, что Уоррингтон явно считает её ребёнком.

– О, вы правы, действительно уже можно! – шутливо извинился Томас и поднялся с кресла. – Что вам предложить? Бренди? Есть шерри, его особенно любят местные дамы. Или, может, виски?

– Шерри, – смутилась Луиза, принимая бокал из его рук. На самом деле, крепче шампанского и вина, разбавленного водой, она ещё ничего не пила, но желание доказать опекуну, что она уже взрослая, пересилило доводы разума. Осторожно пригубив напиток, Луиза прислушалась к ощущениям. Приторно-сладкое вишнёвое тепло разлилось по нёбу и покатилося дальше, в горло, заставляя приоткрыть рот, опасаясь, как бы из него не вырвался огонь.

– Итак, теперь вы поведаете мне о своей просьбе, мисс Грейсток? – Удобно расположившись в кресле, Уоррингтон поглядывал на собеседницу через стакан. – Правда, сразу спешу огорчить – с нарядами у нас туго, приходится заказывать из Парижа. Англия не балует нас своими товарами с тех пор, как мы стали принадлежать Штатам.

– Мне не нужны платья! – возмутилась Луиза.

– Я не знаю, что ещё нужно девушкам вашего возраста, – развёл руками Томас. – Украшения? Лошади? Развлечения?

– У вас есть приют? – выпалила Луиза прежде, чем успела подумать. Сознание того, что опекун считает её ветреной девицей, которой только и нужно, что веселиться, больно укололо.

– Приют? – пришло время удивиться Уоррингтону. – Не думаю. Едва ли. А зачем он вам?

– Помогать больным и бедным, – ответила Луиза.

– Значит, вы любите помогать бедным. – Улыбка на лице Томаса застыла, превращаясь в маску, а глаза, прежде излучавшие тепло, теперь смотрели зло и холодно. – Мне приходилось видеть дам, что любят ходить по приютам... Собственно говоря, чему я удивляюсь? Ведь откуда-то они же должны браться...

– Простите? – не поняла Луиза.

– Не обращайтесь внимания, – качнул головой опекун. – Это – ваша просьба?

– На самом деле нет. – Луиза вздохнула и посмотрела на мистера Уоррингтона. – Я бы хотела вернуться в Англию в будущем году. Если это возможно. С вами.

– К чему вам я?

– Есть один джентльмен, – она замялась. – В общем, он собирается сделать мне предложение...

– Всё ещё не понимаю, к чему вам моё присутствие.

– Как опекун только вы можете дать ему свое согласие на наш брак. К тому же я бы хотела видеть вас на свадьбе...

– Мда-а, натворил Джонатан дел... – протянул Томас, откидываясь на спинку кресла. – Если бы не его завещание, как я понимаю, вы бы вышли замуж уже сейчас?

– Д-да, то есть нет, конечно, – поспешила ответить Луиза. – После смерти отца должен пройти год. Мы никому не сказали, что я уехала сюда. Для всех я отправилась в путешествие по Европе. А через год мы вернёмся, и вы выдадите меня замуж.

– Звучит заманчиво, – тонко усмехнулся Уоррингтон. – Не поймите меня превратно, я вовсе не мечтаю избавиться от вас... – поспешил он заверить девушку, видя её обиженный взгляд. – Просто для меня это стало полнейшей неожиданностью. И я, к своему стыду, действительно не знаю, какие у меня теперь обязанности по отношению к вам.

– О, не волнуйтесь, я помогу вам разобраться во всех тонкостях! – великодушно вымолвила Луиза. Наконец она могла выдохнуть и расслабиться, чувствуя непередаваемую лёгкость и всепоглощающую любовь к своему опекуну. Что-то назойливо звучало в её голове, настойчиво стучась в виски. Луиза поморщилась, пытаясь вспомнить, что ещё она хотела рассказать мистеру Уоррингтону.

– А знаете, отец не умер. – Она важно кивнула и, не рассчитав, стукнулась зубами о бокал. – Его убили.

– Убили? – Мистер Уоррингтон удивлённо приподнял бровь, ожидая продолжения.

– Ну да, убили, – скорбно вздохнула Луиза, смахнув так некстати выступившую слезу. – Я нашла его на полу. Совсем мёртвым. Совсем. – Она поднялась, слегка пошатываясь, и сделала несколько шагов по комнате, размахивая почти пустым бокалом в воздухе.

– Он лежал у стола, а кровь вокруг разливалась и разливалась... – Луиза всхлипнула и замолчала.

– Мне очень жаль, – после паузы ответил Томас, усиленно пытаясь найти слова сочувствия, подобающие случаю.

– Да, мне тоже, – отмахнулась Луиза, не обращая внимания на поражённо уставившегося на неё опекуна. – Его убили, – повторила она. – Но вот кто? И зачем? Зачем писать ему считалку? Убийца любил играть в салочки?

Томас откинулся в кресле, с интересом наблюдая за бормочущей девушкой, думая о том, что наливать ей шерри всё-таки было не лучшей идеей. Он и подумать не мог, что она так опьянеет от одного бокала!

– Вот! – Она вдруг крутанулась на каблуках, выдёргивая из сумочки, висящей на поясе, какую-то бумажку. Но не рассчитала свои силы и начала заваливаться на бок, отчаянно размахивая руками в воздухе. Уоррингтон среагировал быстрее, подхватив девушку, усаживая её на диван и осторожно отбирая бокал из рук.

– Вот та считалка, что я нашла у отца в кабинете! – Луиза обиженно смотрела на опекуна, который, казалось, был обеспокоен лишь тем, чтобы устроить её поудобнее.

– Да-да, я обязательно её прочитаю, – рассеянно проговорил тот и сунул записку в карман, размышляя, судя по всему, о чем-то другом. Спустя некоторое время Уоррингтон, словно очнувшись, покосился на внезапно примолкшую подопечную и, усмехнувшись, крикнул слуг. Дверь распахнулась сразу же, и на пороге возник высокий темнокожий мужчина.

– Отнеси мисс Грейсток в её комнату, – Уорингтон кивнул на успевшую задремать девушку и, проследив за ними взглядом, вернулся в кресло.

Оставшись один, Томас откинулся на спинку кресла и устало выдохнул. К своему стыду, он совершенно забыл о том, что леди Грейсток приезжает сегодня. На севере плантаций снова пытались бунтовать рабы, и надсмотрщики умоляли его приехать. К их удивлению, негры слушались хозяина беспрекословно. Что он им говорил, какие слова или угрозы находил для того, чтобы уговорить бунтующих, никто не знал. На встречи с рабами плантатор неизменно отправлялся в одиночку, отвергая все доводы благоразумия, что приводили ему надсмотрщики и управляющий. Вот и сегодня ему хватило часа на то, чтобы выяснить причину недовольства.

Она, эта причина, к вечеру должна была быть доставлена в «Магдалену», а утром он собирался показательно наказать подстрекателей.

Девочка, так внезапно появившаяся в его жизни, вызвала легкое раздражение, грозя своим присутствием разрушить устоявшийся порядок в холостяцком доме. Ей непременно понадобится выезжать. Водить её на пикники и званые обеды и устраивать подобные вечера у себя. Как бы ни далёк был Уоррингтон от светской жизни Луизианы, правила он знал и старался им следовать.

Полгода назад письмо Джонатана вызвало лишь улыбку. Ну в самом деле, что может случиться с крепким, полным сил мужчиной средних лет? И его просьба об опекунстве казалась невинным розыгрышем, шуткой. К тому времени, как граф Грейсток покинет этот мир, его дочь не только успеет выйти замуж, но и родит не одного внука. Поэтому Томас легко согласился на просьбу давнего друга из прошлого, которого не видел почти четырнадцать лет, но с которым продолжал поддерживать отношения через дружескую переписку.

Какие повороты, бывает, готовит судьба! Томас хмыкнул и отпил виски. Девочка что-то говорила об убийстве... Сунув руку в карман, Уоррингтон достал смятый листок. Расправив его, он быстро пробежал глазами по неровным строчкам, не замечая, как дрожит бумага. Отставив в сторону бокал, чувствуя, как взмокли внезапно ладони, он тяжело вздохнул и провёл рукой по волосам. Этот почерк он мог бы узнать в темноте, просто видя тонкие линии. Он провёл подле его обладателя несколько лет, и не все они были плохими.

Итак, Джонатана убили. Сомнений не было, Кинг вышел на их след. Хотя что тут искать, они и не прятались. Уж Грейсток-то точно. Наивные, они действительно думали, что сбежав из Бразилии, смогли скрыться... Томас поднялся и щедро плеснул виски в стакан, замирая у тёмного окна. Кинг нашёл их. Обоих, или только Джона? Или ему тоже можно ждать пулю в лоб в любой момент? Нет, Кинг так просто его не убьёт... Зная его, Томас мог прекрасно представить как минимум десять пыток, что продлят ему жизнь, заставляя мучиться. Кинг не простит. Он убил Джона так легко, потому что тот всего лишь сбежал с его плантации. Его он не простит. А значит, следует быть готовым. Как некстати приехала эта девчонка!

Седьмая глава

– Мисс Луиза, мэм! Проснитесь, мисс Луиза, мэм! – настойчивый голос Зэмбы звучал словно сквозь вату. Луиза, неохотно приоткрыв глаза, невольно отпрянула от служанки, чьи белоснежные глаза пугающе блестели в темноте. Плотные закрытые ставни пропускали мало света, а сетка, в несколько слоев укрывавшая кровать, походила на густой кокон.

– Что-то случилось? – Луиза удивлённо прислушалась к своему голосу, чувствуя невыносимую сухость во рту.

– Там мистрис Пинс, – в голосе Зэмбы звучал благоговейный страх. – Она уже несколько раз спрашивала, проснулись ли вы. А я ей говорю, что вы ещё спите. А она тогда говорит, что пора вставать. А я ей говорю, что не надо вас пока будить. А она опять...

– Всё-всё, я поняла! – Луиза откинулась на подушки и потёрла глаза. – Я встаю.

Воспоминания о вчерашнем вечере принесли с собой жгучий стыд. Она действительно заснула прямо в кабинете во время разговора? Невыразимый позор! Остаётся лишь надеяться, что мистер Уоррингтон не придаст этому значения.

Напевая себе что-то под нос, Зэмба распахивала ставни, впуская в комнату снопы солнечного света. На Луизу обрушилась какофония звуков и запахов, так разительно отличавшихся от привычного лондонского шума. Во влажном воздухе разливался пряный аромат неизвестных цветов, где-то в кустах под окном пронзительно кричала одинокая птица, и далеко, почти на пределе слышимости, кто-то пел. Луиза замерла посередине комнаты, прислушиваясь, и удивленно уставилась на служанку.

– Рабы поют, – равнодушно пожала плечами Зэмба, наливая воду в таз для умывания.

– Рабы? – не веря своим ушам, Луиза смотрела на негритянку.

– Ну да, – та взяла в руки полотенце, ожидая хозяйку. – На плантациях. Они часто поют.

Это странное, берущее за душу пение, казалось, было повсюду. Пока молодая графиня одевалась и приводила себя в порядок, незатейливая, но невероятно красивая мелодия звучала в воздухе.

– Мисс Луиза, мэм! – Адеола радушно улыбнулась, увидев хозяйку. – Проходите в гостиную, там для вас накрыт завтрак.

– А остальные уже...

– Масса Томас давно уехал, – широкая улыбка не сходила с лица экономки. – Мистер Свенсон в кабинете, работает. А миссис Пинс ждёт вас. Пойдёмте.

Компаньонка и вправду обнаружилась в столовой. С лицом, полным невероятного осуждения, она молча сидела над пустой тарелкой. Плотные сжатые губы казались тонкой ниточкой на сухом лице. Чопорно поздоровавшись, она кивнула застывшему за спиной слуге, и тот принялся накладывать густую подливу из стручковой фасоли с томатом. Рядом исходили паром ароматные колбаски, густо политые сливочным соусом. В кувшине со свежесжатым соком медленно таял лёд – настоящая роскошь даже для Лондона! Горкой возвышались кукурузные лепёшки, из-за которых выглядывал кувшинчик с топлёным маслом.

– Не знаю, что вы любите на завтрак... – Адеола обзирала стол с гордым видом. – В «Магдалене» любят, чтобы еды было вдоволь.

– И никакой яичницы с беконом, – страдальчески прошептала миссис Пинс, косясь на колбаски.

– Адеола, а кто отвечает за сервировку? – решила взять быка за рога Луиза, разглядывая разномастную посуду.

– Я, мэм, а что? – спросила экономка, пряча широкие руки в не менее широкие карманы платья. Сегодня оно было цвета фуксии. Лицо Адеолы, обрамлённое розовой косынкой, добродушно сияло.

– Если можно, я бы посмотрела на всю посуду, что здесь есть, – осторожно начала Луиза, боясь обидеть женщину чрезмерной поспешностью, с которой она собиралась знакомиться с хозяйством.

– Да благословит вас Господь! – всплеснула руками Адеола. – Я кого только ни пыталась приобщить к этому делу, так не хочет же никто! Масса Томас смеется, говорит, что ему и так сойдёт, но я-то знаю – не правильно мы что-то делаем. А как надо и не знает никто.

Со стороны миссис Пинс послышался страдальческий вздох – компаньонка принялась-таки за колбаску.

– А где мистер Уоррингтон? – любопытствовала Луиза после завтрака, пока слуги заносили горы посуды в опустевшую столовую.

– С утра прискакал негр с плантации «Розовый лес», сказал, там рабы бунтуют, просил помочь.

– Рабы бунтуют? – в страхе воскликнула миссис Пинс. – И часто такое случается?

– Да постоянно, – махнула рукой Адеола, любовно проводя другой по большому марокканскому блюду, неизвестно как оказавшемуся здесь. – Побунтуют и перестанут, как получают от хозяев по шее.

– Прости, – вырвалось у Луизы. – Но разве ты не такая же, как они? В смысле...

– Такая же, как они? – Адеола задохнулась от возмущения, прижав руки к груди. – Я – из домашних, я никогда не работала на плантации! Я умею читать и писать, мэм! Как вы могли подумать хоть на минуту, что я похожа на них, на грязных рабов с тростниковых полей!

Экономка обиженно отвернулась и принялась перебирать фарфоровые блюда с золотыми виноградными листьями по ободку.

– Прости, – покаянно проговорила Луиза. – Прости, Адеола. Мне и в голову не пришло обидеть тебя. Я ведь выросла там, где рабов вовсе нет... Я... Мне казалось, они ничем не отличаются...

– Не отличаются... – уже мягче проворчала негритянка, смахивая слезы. – Мы даже близко не стоим рядом с теми, кто рубит тростник и копает свеклу. Мы – семья массы Томаса. Он столько раз говорил мне: «Адеола, давай-ка я тебя освобожу!». А я всё отказываюсь. А куда я пойду? Да и как он без меня? Зэмба, моя внучка, вон тоже в доме выросла. Я так счастлива, что она при вас горничной стала, мисс Луиза, мэм, просто слов нету!

– Значит, мистер Уоррингтон хотел тебя освободить? – задумчиво протянула Луиза, открывая для себя ещё одну грань своего опекуна. Честный, смелый, а теперь вот еще и великодушный – пусть он и не имел титула, но являлся самым что ни на есть настоящим джентльменом!

– Да, предлагал, и не раз, – с готовностью подтвердила экономка. – Я, говорит, другую такую и в жизнь не найду, Адеола, но хочешь, дам тебе денег и открывай своё кафе в Новом Орлеане, уж больно ты готовишь хорошо.

– Он очень благородный, – заметила Луиза, покосившись на миссис Пинс. Завтрак, кажется, не добавил очков в колоду мистера Уоррингтона, потому что компаньонка лишь недовольно качнула головой.

– Когда прикажете приготовить вам постель? – спросила Адеола спустя некоторое время.

– Постель? – Луиза переглянулась с миссис Пинс, но та лишь недоуменно пожала плечами. – Но ведь я только недавно проснулась.

– Днём у нас слишком жарко, – экономка, заметив удивление, решила объяснить. – И делать ничего невозможно. Поэтому в обед мы предпочитаем проводить время в тени и прохладе, а господа укладываются отдохнуть.

– Как интересно, – хихикнула Луиза. – Спать днём. В Лондоне мы, бывает, просыпаемся лишь к обеду. А ночи проводим на балах.

– Ночью надо спать, мисс Луиза, – неодобрительно покачала головой Адеола. – Ночью просыпаются духи и бродят бесплотными тенями по болотам, заманивая в свои сети заблудившихся людей... Ночью надо спать, – повторила она и снова принялась перетирать тарелки.

Луиза молчала, боясь показать, что слова о духах рассмешили её. Обижать суеверную экономку не хотелось. Но, помилуй Бог, какие духи?!

К обеду жара действительно стала невыносимой. Вчера, погружённая в дремоту, Луиза не обращала на неё внимания. Да и сам путь отнял слишком много сил. Сегодня же девушка изнемогала от невыносимой духоты и влажности, завистливо поглядывая на служанок, подоткнувших подола и расхаживающих по двору с голыми щиколотками. Тонкое муслиновое платье облепило тело, а нижние юбки прилипли к ногам, мешая ходить. Миссис Пинс переносила испытания стойко, ничем не показывая своего неудобства. Она даже не расстегнула верхнюю пуговку на платье бордового цвета, в которое была затянута, как в футляр. Не желая так легко сдаваться, Луиза продолжила разбирать посуду, с благодарностью приняв прохладный клубничный лимонад от Зэмбы. Но когда часы показали три, миссис Пинс побледнела и медленно осела под стол. Её тут же отнесли в комнату и, расстегнув пуговицы и ослабив шнуровку, обтёрли водой с уксусом. Смирившись с тем, что отдыхать днём не прихоть, а действительно необходимость, Луиза с блаженством скинула с себя платье и, оставшись в нижней рубашке, корсете и нижней юбке, упала на кровать.

– На вас так много всего надето, – протянула Зэмба, развешивая выбранное к ужину платье. – Бабушка говорит, что настоящая леди носит очень много одежды под платьем. Вы – настоящая леди, мисс Луиза, мэм!

Улыбнувшись этому наивному заявлению, Луиза подняла глаза к потолку, глядя на нежно-голубых птичек, порхавших по балдахину кровати. Комната пришлась ей по душе. Всё здесь было привычно и в то же время необычно. Стены, покрашенные голубой краской, поначалу казались голыми без тканевых драпировок. Зато с них было легко смывать следы многочисленных мошек. Полы, вощённые до блеска, укрывали плетёные ковры, которых Луиза никогда не видела в Англии. Лёгкие кресла, связанные из податливых прутьев ротанга, казались такими хрупкими, что на них было страшно садиться. А комоды, расставленные вдоль стен, напротив, удивляли массивностью и основательностью. Здесь, на втором этаже, совсем не было занавесок, их заменяли ставни ночью и густые заросли бугенвиллеи днём. Душистые гроздья голубых цветов заглядывали в окна, спускаясь по стене дома. Тонкая сетка, прячущая Луизу от москитов и мух, приглушала яркий свет, делая его рассеянным и мягким. Девушка сама не заметила, как её сморил сон.

– Какие у вас прекрасные волосы! – Зэмба медленно проводила по роскошным медовым волнам, пропуская их сквозь пальцы. – Я никогда таких не видела. Вы такая красивая! Как картина в спальне массы Томаса.

– Ты была в его спальне? – Луиза повернулась к служанке.

– Раньше я мыла полы во всём доме, – белозубо улыбнулась Зэмба. – А теперь горничная! Вот мне Таонга завидует! Ну да так ей и надо! Пусть теперь сама полы драит!

– Таонга? – Луиза с трудом выговорила новое имя. Кажется, выучить всех слуг из усадьбы будет не так просто, как ей казалось вначале.

– Да, мы с ней вдвоём прислуживали массе Томасу. Только она злая. Грубая. Что только хозяин в ней нашёл...

– Что ты имеешь в виду? – удивлённо вскинула брови графиня.

– Таонга говорит, что скоро масса Томас освободит её. Глупая. Она глупая, как цапля на болоте, которую вот-вот поймает аллигатор.

– Почему же она глупая?

– Глупая, – повторила Зэмба, закручивая последний локон и закрепляя его шпильками. – Готово.

Луиза посмотрела на себя в зеркало, которое принесли сегодня. Огромное, во весь рост, в раме светлого дерева, покрытой затейливой резьбой. На неё смотрела изящная леди в вечернем платье цвета индиго с небольшими рукавами-фонариками. Талию перехватывала широкая бархатная лента оттенка чайной розы. К платью прилагались кремовые кружевные перчатки. На шею Луиза надела бархотку с камеей, на которой был высечен профиль Софии Грейсток. Оставшись довольна собой, графиня кивнула своему отражению и вышла из комнаты.

Сегодня вечером дом казался ещё приветливей, или это Луиза начала привыкать к новому жилищу? Стол, накрытый белоснежной скатертью, сиял фарфором и хрусталём. В высоких канделябрах горели свечи, тихонько потрескивая. В настольной вазе, найденной среди посуды, распустились чайные розы. Миссис Пинс в неизменном платье тёмно-синего цвета мрачной вороной застыла среди этого торжественного великолепия. Мистер Свенсон, одетый в белоснежную рубашку и неуместный сейчас бархатный бордовый смокинг, явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Добрый вечер! – Луиза улыбнулась поднявшемуся с её приходом управляющему и села на место. Стул во главе стола пока пустовал. Заметив её взгляд, мистер Свенсон поспешил ответить:

– Мистер Уоррингтон ещё не вернулся. Но мы можем начинать без него, уверен, он не будет возражать.

– Ещё бы, – хмыкнула миссис Пинс. – Конечно, мы не можем начинать без главы дома! Что за нравы!

– Я согласна с миссис Пинс, – к невероятному огорчению Свенсона ответила Луиза. – Мы не можем начинать без мистера Уоррингтона. Мы подождём.

Мистер Свенсон тяжело вздохнул, бросив тоскливый взгляд на блюдо с тушёной свиной, и сделал робкую попытку образумить дам:

– Мистер Уоррингтон может задержаться надолго.

– Думаю, мы сможем подождать столько, сколько потребуется, – упрямо заявила Луиза, встречаясь глазами с одобрительно кивнувшей компаньонкой.

Прошёл час. Вялые разговоры о погоде давно сошли на нет, и над столом всё чаще разносились неприличные звуки урчащего живота. Мясо покрылось тонкой плёнкой жира, лёд в графинах с соком давно растаял. В последующий час Луиза и мистер Свенсон бросали голодные взгляды на еду, одна миссис Пинс, казалось, есть вообще не собиралась и пришла сюда единственно для того, чтобы придирчиво осматривать заново начищенную посуду.

Ржание лошадей за окном заставило всех встрепенуться и радостно переглянуться. Быстрые шаги зазвучали в коридоре, и в столовую вошёл мистер Уоррингтон. Замерев на пороге, он удивлённо посмотрел на три пары глаз, уставившихся на него с выражением плохо скрываемой радости.

– Я думал, что пропустил ужин, – заметил он, проходя вперед. Заляпанные грязью сапоги для верховой езды оставляли следы на натёртом полу. Терпкий запах пота, своего и лошадиного, заставил миссис Пинс поморщиться. Но указывать хозяину дома на то, что ему следует переодеться, она не стала. За спинкой кресла уже застыл слуга с тазом для умывания. Другой, с полотенцем и кувшином в руке, принялся лить воду в подставленные ладони.

– Надеюсь, вы не слишком проголодались, ожидая меня? – спросил Уоррингтон, жадно набрасываясь на еду. Кушать медленно и изящно у Луизы сегодня получалось с трудом. Она почти не чувствовала вкуса пищи, глотая её, практически не жуя. Расправившись с ужином за каких-то пять минут, мистер Уоррингтон промокнул губы салфеткой и встал, кивая дамам. Бросив Свенсону, что ждёт его в кабинете, он скрылся за дверями. Управляющий поспешил следом, дожёвывая что-то на ходу. Расправившись с бараньим рёбрышком, Луиза отодвинула от себя тарелку, чувствуя насыщение. И глубокое разочарование: ведь так хотелось узнать опекуна ближе! Понимая, что днём тот занят делами, ей представлялось, как они будут встречаться

по вечерам, за ужином, обсуждая, как прошёл день. Неужели у него даже вечером совсем нет времени для своей воспитанницы?!

Ожидая, пока накроют десерт, она поднялась из-за стола и прошлась по комнате, останавливаясь у одного из огромных окон в полстены. Они выходили в сад, терявшийся в густой темноте. Шорох в кустах у самой земли привлёк внимание, и Луиза испуганно отшатнулась, разглядев полыхающий ненавистью взгляд, направленный прямо на неё. Снова зашелестела листва, и обладатель глаз скрылся во тьме.

Ночь прошла беспокойно. Луиза ворочалась, пытаясь устроиться удобнее, путаясь в длинной батистовой сорочке до пят. Вечером жара немного спала. Поднявшись, Луиза подошла к окну и распахнула ставни, впуская внутрь напоенный ароматами ночной воздух. Глубоко вздохнув, она перегнулась через подоконник и, подперев щеку ладонью, задумчиво уставилась вниз. Тёмный двор был пуст и тих, но спустя минуту Луиза начала различать в казавшейся безмолвной ночи редкий крик ночной птицы. Громко выводили свои трели сверчки. Девушка прикрыла глаза и принялась медленно раскачиваться, напевая себе забытую колыбельную. Сейчас она чувствовала себя почти счастливой. Внезапно ночную тишину пронзил жуткий нечеловеческий крик. Затем ещё один и ещё. Луиза похолодела, резко выпрямившись и напряжённо вглядываясь в темноту. По двору стремительно скользнули две тени и скрылись в лесу. На самой кромке одна из них остановилась и, как показалось графине, посмотрела на неё. Луиза резко отпрянула от окна и захлопнула ставни, чувствуя, как бешено колотится сердце. Нырнув под одеяло, она накрылась с головой и смогла забыться сном только под утро.

Восьмая глава

Что-то назойливо стучалось в виски, прогоняя остатки сна. Луиза повернулась на живот и, обхватив руками подушку, упрямо зажмурила глаза, надеясь, что сон, ещё бродивший в отголосках сознания, вернётся. Но вскоре пришлось признать, что сегодня утро начнётся раньше, чем обычно. Перевернувшись, девушка сбросила с себя покрывало и потянулась, чувствуя прохладный утренний ветерок, пробежавший по тёплому после сна телу. Слабый свет пробивался между решёток ставен, и Луиза подошла и распахнула одну из них, вдыхая полной грудью ароматный воздух. Деревья обступали поместье, тёмные и мрачные. Небо над головой ещё серело, где-то за домом запел петух. Луиза облокотилась на подоконник и, подперев щеку ладонью, мечтательно посмотрела на лес. Дикий край очаровывал своей первозданной красотой. Она вдруг подумала, что абсолютно ничего не знает ни о поместье, ни о том, что его окружает. Где находятся плантации, если пение рабов слышно в доме? Почему пролесок, окружавший «Магдалену», никто не вырубает? В поместье Грейстоков идеально выстриженные газоны чередовались с невысокими деревьями, а те, в свою очередь, скрывали пруды и ухоженные клумбы. Здесь, в сереющей дымке утра, виднелся лишь колышущийся на деревьях седой мох да пышные заросли роз под окнами. Кажется, клумб здесь не было вовсе, а цветами, яркой шалью укрывающими дом, «Магдалена» была обязана природе и тому, что ей здесь никто не мешал. Где-то там, за деревьями, вставало солнце, окрашивая в ярко-зелёный их верхушки. Каким он будет, сегодняшний день? Луиза вздохнула, предвкушая, как отправится изучать поместье. Столько всего надо узнать, понять, познакомиться...

Познакомиться! Надо сделать визиты в ближайшие поместья... Что там Франческа говорила? Она обещала, что всё устроит. Луиза сморщила лоб – дел было невпроворот, как хорошо, что она встала так рано сегодня! А если поторопиться, она ещё сможет застать за завтраком мистера Уоррингтона, наверняка он уже проснулся! Охваченная радостным возбуждением, девушка оторвалась было от подоконника, но замерла, так и не сделав шаг.

Крик. Не тот, что привёл её в ужас ночью. Другой. Близкий и полный боли. Снова. И снова. Луиза выглянула во двор, боясь и желая разглядеть того, кто кричит. Двор был по-прежнему пуст.

– Зэмба? – позвала Луиза, прислушиваясь. Но служанка не отзывалась. До её слуха снова донёсся крик, заставив вздрогнуть. Тишина, обступавшая её в комнате, вдруг стала пугающей и напряжённой. Решительно сжав губы, Луиза схватила первое попавшееся платье. Натянула, расправив складки и посмотрела на себя в зеркало, прикусывая нижнюю губу. Плеснула воды на лицо, вздрогнула, встретившись в зеркале с испуганным взглядом зелёных глаз. Растрёпанные волосы удалось пригладить щёткой и затянуть лентой. Без корсета было непривычно и жутко неудобно. Точно голая вышла. Поведя плечами, Луиза нырнула в один из сундуков, извлекла тонкую кашемировую шаль и, набросив её на плечи, сразу почувствовала себя уверенней. Крик повторился, продолжая звучать в отдалении, и графиня поспешила выскочить за дверь, прислонившись к ней и тяжело дыша.

На этаже было тихо и пусто. Будить миссис Пинс Луиза не собиралась, решив разобраться во всём сама. К тому же – и тут Луиза, не сдержавшись, фыркнула – беспокоить компаньонку только для того, чтобы пройтись по дому, было верхом глупости. Что может ей здесь угрожать?! Успокоив себя таким способом, девушка плотнее завернулась в шаль и поспешила вниз. Холл в неверном утреннем свете, казалось, угрюмо взирал на неё. Света из огромных стрельчатых окон пока было слишком мало, чтобы осветить его целиком. Где-то слева за спиной что-то загремело, и Луиза, не сдержавшись, подпрыгнула, оборачиваясь, чувствуя, как бешено колотится сердце. Но это оказалась всего лишь кошка, опрокинувшая небольшую вазу, стоявшую у стены. Дымчатое создание спокойно село рядом с растекающейся по мрамору лужей и, не

обращая внимания на Луизу, принялось вылизываться. Приложив руку к груди, девушка глубоко вздохнула, ругая себя за мнительность. Она явно перечитала мрачных романов! К чему красться по дому, как воришка? Она тут вообще-то хозяйка! Подняв голову, Луиза кивнула своему отражению в одном из многочисленных зеркал и проследовала в столовую. К её удивлению, завтрак ещё не накрывали. Стол, натёртый до блеска, был пуст. Крики здесь звучали намного громче. Луиза огляделась. Узнать точное расположение комнат она пока не успела, поэтому пришлось двигаться наобум, открывая поочередно двери и заглядывая внутрь. Огромная кухня встретила её той же тишиной и молчанием, что и остальные комнаты, и вот тут уже Луиза испугалась по-настоящему. На плите медленно кипело какое-то ароматное варево, в печи остывали свежие хлеба. Неочищенная картошка лежала на столе, как и овощи, разложенные для нарезки на досках. Закралась малодушная мысль, что стоило бы всё-таки разбудить миссис Пинс, но молодая графиня спешно её отогнала. Задрвав подбородок, Луиза распрямила плечи и решительно направилась к приоткрытой двери на задний двор.

Остановившись в нерешительности, Луиза прислушалась. В этой части поместья она ещё ни разу не была и теперь с любопытством оглядывалась. Брошенное седло, несколько вязанок хвороста, что лежат у стены, загораживая поленницу. Дверца в курятник приоткрыта, и несколько кур успели сбежать и теперь важно расхаживают по двору. Небо стремительно синело, наливаясь красками. Это утро, этот двор, эти куры – всё дышало таким умиротворением и покоем, что хотелось рассмеяться непонятным страхам, что привели её сюда.

Крик. И свист, жуткий, ранее неслышный. И снова полукрик-полустон. Совсем рядом. Луиза бросилась в сторону звуков, почти сразу же, за углом дома, резко останавливаясь. Она нашла. Нашла причину. Большую площадку окружали молчаливые слуги. Ни одного звука, только осуждение во взглядах, направленных в центр. Луиза перевела взгляд туда и задохнулась, резко прижав руку ко рту. Трое людей, привязанных к столбам, безвольно свисали на кандалах, закреплённых сверху. То, что когда-то было их спинами, теперь превратилось в кровавое месиво, из которого кое-где проглядывали пугающе-белые кости. Запястья, которые пытались выдернуть из кандалов люди во время истязания, вспухли и кровоточили. Эти столбы явно не сегодня здесь появились – пронеслась отчаянная мысль. Вдоль них медленно расхаживал невысокий смуглый мужчина со свисающими вниз усами. За ним пыльной змеей волочила хвост плётка. Ближе к кромке леса, там, где заканчивался двор, стояли рабы. Покорные, напуганные. В одинаковых холщовых штанах и рубашках мужчины, в платьях небеленого полотна – женщины. Они казались совершенно чуждыми здесь. Домашние слуги время от времени бросали на них взгляды, полные презрительной жалости. В висевшей над двором тишине отчётливо слышалось жужжание мух, кружившихся над телами.

– Пожалуй, на этом всё, мистер Бличли. – Луиза замерла, только сейчас заметив мистера Уоррингтона. Повелительно махнув рукой, он, скривившись, наблюдал, как безвольным кулем оседают тела со столбов.

– Мисс Луиза, мэ, – громким шепотом окликнула её Адеола, подзывая к себе. Луиза облегчённо вздохнула, поспешив к экономке. Рядом с ней она чувствовала себя намного увереннее. – Что вы здесь делаете?! Мы думали, вы ещё спите.

– Меня разбудили крики, – голос звучал виновато, будто она совершила что-то запретное. – Я искала вас... Что здесь происходит? Кто эти люди?

– Это бунтовщики, – презрительно бросила Адеола. – Они пытались настроить рабов против хозяина. Масса Том ездил их умирять три дня назад.

Луиза кивнула, вспомнив о делах, которые упоминал мистер Свенсон в день их приезда. Тем временем трое мужчин были освобождены и теперь, шатаясь, пытались подняться на ноги. Луиза смотрела на их лица, по которым непрерывно стекал пот, капая на пыльную землю. На окровавленные руки, которыми они цеплялись друг за друга, помогая подняться, и понимала, что не может оторвать глаз. Не может не смотреть на это – на унижение, на беспомощ-

ность, на... Гордость? Один из бунтовщиков вдруг поднялся, распрямляя плечи, и заговорил на непонятном ей языке, быстро и громко, глядя прямо в глаза Уоррингтону. Затаив дыхание, Луиза следила за опекуном, выражение лица которого сейчас невозможно было угадать. Он бесстрастно слушал, скрестив руки на груди, глядя на раба сверху вниз. Вдруг стоявшая рядом Адеола тихонько ахнула, потрясённо качнув головой.

– Что он сказал? Адеола, что он сказал? – Луиза тянула экономку за рукав, чувствуя, как от безотчетного страха внутренности в животе скручиваются в тугой клубок. Резкий голос Томаса заставил её замолчать, тревожно вслушиваясь в интонацию. Языка она не понимала, но говорил он спокойно, чуть насмешливо. Казалось, Уоррингтон успокаивает ребёнка, увещевая его, прося прекратить баловаться и послушаться старших. Но раб в ответ оскалился, зло бросив что-то за спину, и оба его товарища по несчастью одобрительно загудели, исподлобья глядя на хозяина.

– Он ведь наказал их уже, да? – Луиза еле протолкнула из себя слова, чувствуя невыносимую сухость в горле. От вида крови, от запаха, который доносил ветер, её начинало подташнивать. Она с тревогой посмотрела на рабов из плантации, которые стояли, не двигаясь и не сводя глаз с Уоррингтона.

– Жалкие шакалы, – презрительно прошипела Адеола. – Они сами не знают, чего хотят.

Уоррингтон молчал, слушая срывающийся, но крепший с каждой фразой голос. А Луиза, не отрываясь, смотрела на него, невольно испытывая гордость. Спроси кто-нибудь сейчас у юной леди Грейсток, что именно вызвало в ней это чувство, она бы едва ли смогла внятно ответить. Просто ей было невыразимо приятно смотреть на него, чувствуя волны власти и силы, что исходили от его фигуры. Крик раба перешёл в визг и резко оборвался. Бунтовщик застыл, тяжело дыша, с вызовом глядя на Уоррингтона, смахивая капли пота дрожащей рукой.

Следующего движения Луиза не заметила. Просто раб только что стоял, а вот уже лежит с огромной дырой в голове, и лишь облачко дыма говорит о том, что только что произошёл выстрел. Жёлто-красное месиво разлетелось во все стороны, мерзко хлопнув. Томас неспешно опустил пистолет, прищурился и посмотрел на двух оставшихся мужчин. Один из них со стоном повалился на землю, бормоча что-то, целуя носки запylённых сапог. Второй стоял прямо, глядя в глаза плантатору.

– Нет! – крик Луизы потонул в грохоте нового выстрела – второй бунтовщик упал следом за первым. Луиза прижала руку ко рту, чувствуя кислоту. Брезгливо отпихнув продолжавшего ползать по земле раба, Уоррингтон обернулся на звук, досадливо поморщившись.

– Я не думал увидеть вас здесь, Луиза. – Он в два шага оказался рядом, закрывая широкой спиной лежащие на земле тела. Рабы с плантаций быстро расходились. Слуги ещё стояли, обсуждая случившееся, укоризненно качая головами в сторону убитых.

– Я... я, – голос Луизы дрожал, и она ничего не могла с собой поделать. Она подняла глаза на опекуна, который с тревогой заглядывал в её лицо.

– С вами всё в порядке? Вы побледнели. Не следовало приходить сюда. Я не думал, что вы станете свидетелем... – Луиза слушала и не понимала смысла фраз, что говорил Уоррингтон. Он только что убил двух людей, а теперь так спокойно стоит перед ней и разговаривает, как ни в чём не бывало... Они ведь лежат сейчас там, на земле... Взгляд невольно скользнул вниз, за спину опекуна, цепляясь за багровую лужу, которая медленно впитывалась в песок. В глазах заплясали мелкие чёрные точки, а руки вдруг стали ледяными. Ветер взметнул мелкий песок, и нос моментально забился им: металлическим запахом крови, к которому примешивался другой, приторно-сладкий, незнакомый, но от того ещё более мерзкий.

– Я... – Луиза подняла огромные растерянные глаза на Томаса и вдруг резко согнулась, выплёскивая на его ноги остатки вчерашнего ужина. Её вывернуло так неожиданно, что опекун едва успел схватить её за плечо, не давая упасть. Всё ещё содрогаясь от спазмов, Луиза провела дрожащей рукой по лицу, смахивая тоненькие капельки пота, тяжело дыша. Уоррингтон скри-

вился, занес, было руку, чтобы отряхнуться, но вовремя себя остановил. Луиза же, опорожнив желудок, сразу почувствовала себя лучше. Чего нельзя было сказать о её душевном состоянии.

– Простите, ради всех святых! Простите, мистер Уоррингтон! – Она торопливо оглянулась, ища глазами Зэмбу или Адеолу, но, как назло, рядом были только незнакомые лица. – Я сейчас помогу вам, – чувствуя, как щёки заливают пунцовая краска, Луиза торопливо лепетала что-то, ища на поясе оставленный в комнате ридикюль.

– О, адово пекло, перестаньте! – раздражённо воскликнул Томас. – С этим отлично справятся слуги!

С этими словами он торопливо покинул двор, оставив расстроенную и смущённую Луизу одну. Она беспомощно замерла, глядя ему вслед. Слуги постепенно расходились, с кухни уже можно было слышать громогласный голос Адеолы, командующей поварам. Будто и не произошло только что ничего особенного... Мелкая дрожь пробежала по телу, и, запахнувшись в шаль, Луиза повела плечами: её охватило неприятное, липкое чувство. Резко повернув голову, она встретила с горящим взглядом, направленным прямо на неё. Стройная девушка, с кожей настолько чёрной, что она, казалось, отливала синевой, застыла у поленницы, стискивая в руке подол кроваво-красного платья. Заметив взгляд, она моргнула, вздёрнула подбородок и скрылась в доме.

– Это Таонга. – Зэмба наконец заметила свою хозяйку и встала рядом. – Красивая. И глупая.

– Д-да, я помню, ты говорила про неё. – Луиза не могла отвести взгляд от прямой спины служанки, кожей ощущая её неприязнь. – Пойдём, поможешь мне одеться. – С усилием оторвав взгляд от Таонги, Луиза пошла к парадным дверям.

Завтрак проходил скованно. Миссис Пинс удивлённо смотрела на мистера Уоррингтона, который, иногда чуть морщась, поглощал жареные колбаски. Луиза, опустив глаза, сидела напротив, пытаясь втолкнуть в себя кусочек яичницы, которую выпросила у Адеолы. Лишь мистер Свенсон, вставший, как и компаньонка, недавно, с аппетитом разламывал хрустящий багет, макая его в подливу.

Ощущая огромную потребность извиниться, Луиза задержалась после завтрака, отпустив миссис Пинс к Адеоле, с которой они собирались продолжить знакомство с домашней утварью, перейдя к скатертям и салфеткам. Решительно застыв у двери кабинета, графиня сцепила руки в замок, несколько раз тяжело вздохнув. Сама мысль о том, чтобы говорить о случившемся, заставляла её краснеть. Но, поймав на себе несколько раз насмешливый взгляд опекуна, Луиза решила, что лучше один раз всё обсудить и забыть, чем становиться объектом скрытых насмешек на долгие дни. Собравшись с духом, она постучала, удивляясь, каким тихим и робким вышел звук.

– Входите. – Откуда взялся этот страх, будто перед входом в логово дракона? Расправив плечи, Луиза прошла в кабинет, невольно замерев на пороге, шурясь от обилия света, заливавшего комнату. От кабинета у нее остались смутные впечатления, разбавленные приторно-сладким вкусом шерри.

– Луиза? – Брови Томаса взлетели вверх. Он логично полагал, что после того, как её стошнило утром, девушка будет краснеть и прятаться по углам, и теперь был действительно удивлён.

– Я пришла поговорить с вами, – Луиза кивнула сама себе, притворив за собой дверь и проходя внутрь. С любопытством пробегая глазами по кабинету, она невольно сравнивала его с кабинетом отца, в котором провела столько счастливых часов. Стопки книг и бумаг, сваленных в кучу, пергаменты, перья, огромный глобус, утыканный флажками, отмечающими курс его кораблей, – кабинет отца олицетворял собой упорядоченный хаос, как сам Джонатан Грейсток любил повторять. Здесь, в кабинете мистера Уоррингтона, царил идеальный порядок. На огромном полированном столе красного дерева стоял малахитовый набор: чернильница и

пресс-папье. Аккуратные стопки бумаги лежали на краю, с другой стороны стояла небольшая ваза с полураспустившимися бледно-розовыми бутонами роз. Ровные ряды книг, огромная карта на стене, несколько кресел, журнальный столик – всё находилось на своих местах.

– Вы пришли полюбоваться моим кабинетом? – легкое раздражение в голосе напомнило Луизе о цели её визита. Она действительно увлеклась, рассматривая комнату.

– Я пришла извиниться, – графиня открыто посмотрела на Уоррингтона. – Я не виновата в случившемся, но это столь постыдный и неприятный поступок, что я не могу оставить всё так. Простите.

Отложив перо, Томас внимательно посмотрел на девушку, будто видел её впервые. Невысокая, с упрямо сжатым подбородком и огромными, твёрдо смотрящими на него глазами цвета молодой весенней зелени. Губы, слишком пухлые для англичанки, она неосознанно кусала их, делая ярче и краснее, чем они были. Изящные кисти рук, сейчас не спрятанные за кружевом перчаток, нервно теребили подол платья приятного мятного цвета. Луиза тихонько кашлянула, привлекая его внимание, и Томас, опомнившись, оторвал взгляд от её рук.

– Не вижу в этом необходимости, – будничным тоном продолжил он, словно паузы в их разговоре не было вовсе. – Вы не виноваты в том, что нежное сердце не выдержало не предназначенной для ваших глаз сцены. Я всё прекрасно понимаю.

– О, – только и смогла произнести Луиза, чувствуя, как начинают краснеть кончики ушей. Его покровительственный тон отчего-то прозвучал обидно. Она беспомощно посмотрела на опекуна, с внезапной злостью заметив искорки смеха в серо-голубых глазах. Сложив ладони домиком, он прислонил их к губам, старательно пряча смех: девушка сейчас отчаянно походила на нахохлившуюся птицу, распушившую перышки.

– Полагаю, таких сцен больше не повторится? – сумела процедить она, задирая подбородок так высоко, что Томас легко мог бы пересчитать все хрящики на её шее, если бы пожелал.

– Я обязательно буду предупреждать вас заранее, – кивнул Уоррингтон. Кивнув в ответ, Луиза резко развернулась, взметнув полы платья вокруг ног, и у Томаса снова перед глазами возникла птичка, махнувшая ярким зелёным хвостом. Дверь за девушкой давно закрылась, а он всё ещё улыбался, глядя ей вслед.

Огромные, расшитые белоснежными цветами скатерти лежали на полу бальной залы, подготовленные к придирчивому осмотру. Миссис Пинс, вооружившись моноклем, обходила зал, выискивая пятна жира и сока. Адеола, в свою очередь, осматривала вышивку, ища дырочки, которые могла оставить на хлопке вездесущая моль. Луиза, тихонько вздыхая, перебирала салфетки, пристроившись в углу за небольшим ломберным столиком, который принесли сюда специально.

Второй день они занимались этим, безусловно необходимым, делом, и графиня начала бояться, что скатерти не закончатся никогда. За окном сияло яркое солнце, на кустах роз за окном порхали огромные бабочки, а разноголосые птицы весело гомонили. Подперев щёку, Луиза неспешно перекладывала ажурные салфетки, мечтая о том, чтобы прокатиться по поместью верхом. Или просто сесть и порисовать в тени одного из огромных дубов... А ведь действительно, окунувшись в дела поместья, она совсем позабыла о тех маленьких радостях, которые были у неё в Англии. Но там и за домом не приходилось приглядывать: вышколенные слуги прекрасно справлялись с работой под строгим и неусыпным присмотром Сеймура...

Тихонько вздохнув, Луиза снова вернулась к салфеткам, с лёгкой завистью вспоминая мистера Уоррингтона, выезжавшего сегодня со двора на великолепном арабском скакуне. Луиза только вышла из-за стола, собираясь в зал, когда её внимание привлекло громкое ржание. Она замерла у окна, восхищённо глядя на прекрасного коня, которого водили по двору. Он высоко поднимал тонкие ноги, то и дело нервно поводя крупом. Под атласной чернильно-чёрной кожей переливались упругие мышцы, и Луиза представила, как приятно было бы провести

по ней, предвкушая прогулку по тенистым дорожкам поместья... Томас Уоррингтон появился на ступенях, заставляя отшатнуться от окна. Стремительно сбежав вниз, он подошёл к коню, похлопал его по холке и, что-то весело бросив конюху, забрал у него поводья. Взлетев в седло, мужчина тронул пятками бока скакуна, и тот сорвался с места, оставив после себя только облачко пыли.

Девятая глава

Ночь, влажная, душная укрыла поместье. Луиза ворочалась без сна в кровати, перебирая в памяти события прошедшей недели. Столько впечатлений для коротких семи дней – новый дом, новые люди, новые обычаи. Девушка вздохнула: понять последние ей оказалось тяжелее всего. Она вспомнила, как равнодушно пожала плечами Адеола на вопрос, не жалко ли ей убитых бунтовщиков.

– Заслужили, – бросила экономка, не сводя глаз с накрывающих стол слуг. – Они пошли против хозяина.

– Но ведь он мог отправить их в тюрьму, – не соглашалась Луиза, – отдать в руки правосудия...

– Лоиз, дорогая, здесь мистер Уоррингтон – правосудие, – заметила миссис Пинс. – И я склонна согласиться с его решением. Судя по всему, это были ужасные люди.

– Но он же убил их. – В голове молодой графини никак не могло уложиться то равнодушие, с которым окружающие относились к чужой жизни.

– Лоиз, ты так впечатлительна, – покровительственно улыбнулась компаньонка, переглянувшись с Адеолой. Луиза прикусила губу, подавив рвущиеся наружу возражения. Возможно, они были правы. Несомненно, правы, но принять эту правду как-то не получалось.

Луиза снова вздохнула, вытянувшись на кровати. Сорочка облепила тело, нежные кружева неприятно кололи. Ни малейшего движения воздуха, ни ветерка. Луиза поднялась, решительно подошла к окну и открыла ставни. Прохладное дуновение заставило блаженно выдохнуть. Надо сказать Эбме, чтобы перестала закрывать окна на ночь. Облокотившись на подоконник, девушка глубоко вздохнула – здешними ароматами невозможно было надышаться. Словно попал на другую планету, далёкую от пыльного Лондона. На затерянную, оторванную от всего мира планету, одну из тех, про которые рассказывали в Гринвичской обсерватории, куда возил её когда-то отец. Тогда ей казался удивительным и нереальным тот факт, что где-то далеко-далеко в небе может жить кто-то еще. Теперь, в «Магдалене», эта мысль уже не казалась такой абсурдной. Здесь была своя жизнь, подчинённая своим правилам. Волшебная и дикая, оторванная ото всего мира...

Словно в подтверждение этих мыслей где-то на заднем дворе стукнул барабан, затем ещё один. Луиза прислушалась – она уже слышала эти звуки в первый свой день здесь, мистер Уоррингтон назвал их «тамтамы». Глухой ритм поплыл над домом. Примитивный, но завораживающий своей простотой, он захватил сознание, погружая в транс. Луиза прикрыла глаза, отдаваясь этим звукам, тихонько покачиваясь под заданный ритм. Захотелось оторваться от земли и лёгким вихрем закружиться над домом, поднимаясь всё выше и выше... Вскоре в звуки тамтамов вплелся ещё один – кто-то запел густым, сочным голосом, низким и вибрирующим. Он проникал под кожу, впитываясь в кровь, стуча в одном ритме с сердцем. Луиза чувствовала, как разгорается что-то внутри, что-то первобытное, но очень знакомое, пульсирует, скручиваясь клубком где-то внизу живота. Захваченная музыкой, она подалась вперёд, чувствуя непреодолимое желание оказаться сейчас там, рядом, слиться с музыкой, стать её частью... Это было волшебство. Самое настоящее, неприкрытое, совсем рядом.

Сколько она слушала так, устроившись на подоконнике и подтянув колени к подбородку? Подняв глаза вверх, она смотрела на звёзды, удивляясь, как могла не видеть их раньше, не замечать это необъятное небо, пересечённое густой широкой лентой Млечного Пути. Изредка его пересекали стремительные тени – летучие мыши вышли на охоту. Обняв ноги, Луиза мечтательно улыбнулась: где-то в далёкой Англии, быть может, лорд Норидж смотрит так же в небо, любуясь теми же звёздами... Ритм изменился, и голос запел что-то нежное, близкое, бывшее очень понятным, домашним. Девушка широко зевнула, соскользнула с подоконника

и, прошлёпав босыми ногами по полу, нырнула в кровать, повернувшись к окну, в котором виднелся кусочек звёздного неба. В сладком сне, что сморил её, пели темнокожие рабы, выстукивая дробный ритм.

– Миссис Пинс, как вы считаете, не пришла ли пора нанести визит нашим соседям? – После завтрака мистер Уоррингтон снова уехал на прогулку, и Луиза вдруг подумала о том, как замкнута жизнь на плантации. Куда ей ехать? Дальше двора не выйти, верхом без разрешения опекуна не покатаешься. Да и не с кем. Графиня вздохнула, с тоской вспомнив прогулки по Гайд-парку, которые она совершала в сопровождении леди и джентльменов, называвших себя её друзьями. Интересно, вспоминают ли они о ней сейчас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.